

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

РУССКИЙ БЕРЕГ

Повесть

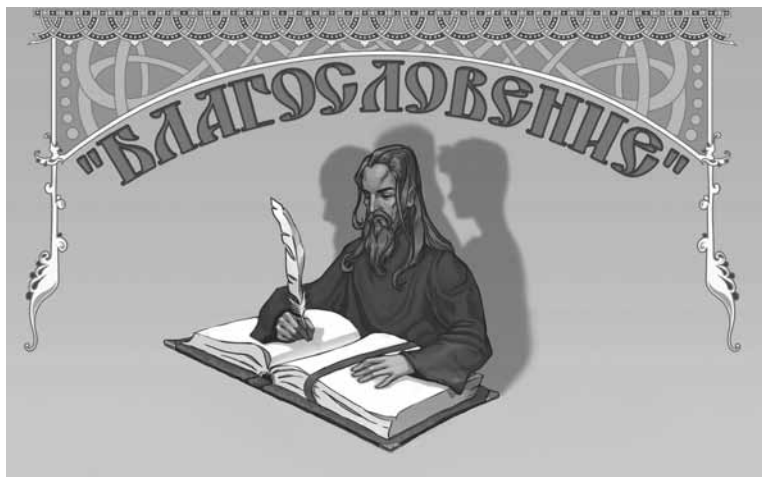
Видновское благочиние
Московской епархии Русской Православной Церкви

Московская областная организация
Союза писателей России

Союз писателей России

Союз журналистов Подмосковья

Союз журналистов России

СЕРИЯ

ПОБЕДИТЕЛИ
ЕЖЕГОДНОГО ПРАВОСЛАВНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
«БЛАГОСЛОВЕНИЕ»
НА ПРИЗ АЛЬМАНАХА
ВИДНОВСКОГО БЛАГОЧИНИЯ
«ПИСЬМО К ТВОЕЙ ДУШЕ»

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ

РУССКИЙ БЕРЕГ

Повесть

Видное 2015

Д. Ермаков. Русский берег. Повесть

© Издание Местной религиозной организации православного прихода
Успенского храма г. Видное Московской области
Московской епархии Русской Православной Церкви, 2015.
Подписано в печать 12.08.2015. Заказ №3806.

ISBN 978-5-906500-06-9

Адрес редакции: 142700, МО, г. Видное,
Белокаменное шоссе, Успенский храм. Тел./факс 8 (495) 541-53-22.
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал
«Чеховский Печатный Двор». 142300, МО, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.
Т. 1200 экз. Формат 130x200, 15, гарнитура Minion Pro.

Ответственные за издание
иеромонах Софроний (Горохольский), А.П. Зименков

Иллюстрации
О.В. Поддивилова

Технический редактор
Э.А. Коберидзе

Дизайн, вёрстка
Д.С. Сухарев

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Секретарь Московского епархиального управления Русской Православной Церкви, благочинный церковью Видновского округа протоиерей Михаил Егоров; помощник благочинного церковью Видновского округа, член Союза писателей России, председатель жюри Ежегодного православного международного литературного конкурса «Благословение» иеромонах Софроний (Горохольский); секретарь Союза писателей России, секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор журнала «Великороссъ» и газеты «Московский литератор», кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации Иван Юрьевич Голубничий; секретарь Союза журналистов России, председатель региональной общественной организации «Союз журналистов Подмосковья» Наталья Александровна Чернышова; директор Московской областной государственной детской библиотеки, исполнительный директор Российского книжного союза по Московской области, член коллегии министерства культуры Московской области, кандидат социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации Ольга Павловна Кубышкина; старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, член Ученого совета и главный специалист по издательским проектам Государственного музея В.В. Маяковского Алексей Павлович Зименков; член Союза журналистов СССР, член Союза журналистов России, заслуженный работник печати Московской области, выпускающий редактор православного альманаха Видновского благочиния «Письмо к твоей душе» Этери Акакиевна Коберидзе.

**Приветственное слово
постоянного члена Священного Синода
Русской Православной Церкви митрополита
Крутицкого и Коломенского Ювеналия**

Возлюбленные братья, сестры, участники литературного конкурса «Благословение» и читатели православного издания Видновского благочиния — альманаха «Письмо к твоей душе»!

За одно десятилетие альманах, изначально состоявший всего из нескольких страниц, преобразился в полноценное православное средство массовой информации, где читатели могут найти то, что созвучно их восприятию мира, что ответит на их вопросы и поможет не только воспринять Слово Божие, но следовать ему.

Альманах стал известен и за пределами благочиния, как в церковной среде, так и в профессиональных литературных и журналистских кругах.

Одним из важных достижений этого общественного служения стало появление православного международного литературного конкурса «Благословение». Этот конкурс является в каком-то смысле инновационным — Церковь и общество сотрудничают в сфере совместного издания современной художественной литературы.

Господь да благословит ваши многополезные труды! Желаю альманаху и конкурсу развития и преуспевания в достижении высоких целей.

От всего сердца желаю всем новых достижений, мира и благополучия!

+ Ювеналий,

митрополит Крутицкий и Коломенский

**Приветственное слово
сопредседателя Правления Союза писателей России,
академика, члена президиума
Академии Российской словесности
Владимира Николаевича Крупина**

Великое дело — пастырское благословение. Оно всегда означает, что дело, начинаемое по благословию Владыки или батюшки, — доброе дело. Напутственным словом митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия Видновское благочиние начало и продолжает конкурс трудов, свершаемых во славу Божию, в возгревание православных чувств и увеличение любви друг к другу и Отечеству.

Этот конкурс собирает таланты со всех сторон России и зарубежья и подтверждает евангельскую истину: нельзя зарывать талант в землю, он должен быть поставлен на службу Господу. Иное его использование — для достижения известности, для наживы, для тщеславия — просто преступно. Тем более в наше время, время напряжённейшее, судьбоносное для России.

И участники конкурса это понимают, и это доказано предыдущими годами и тем, что всё больше работ поступает на конкурс. И тем, что число авторов расширяется. И количественно, и качественно (он молодеет), и географически (всё больше новых мест появляется на его карте).

Давайте вместе порадуемся, что никакие бури и штормы не собьют с курса корабль по имени Россия, потому что, как сказал поэт: «Ветер века, он в наши дует паруса».

Со всею сердечностью, раб Божий

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'В. Крупин', with a long, sweeping tail extending to the right.

Приветственное слово председателя Союза журналистов России Всеволода Леонидовича Богданова

От имени Союза журналистов России позвольте сердечно поприветствовать организаторов и участников литературного конкурса «Благословение», родившегося на щедрой талантами Подмосковной земле, духовными усилиями Видновского благочиния Московской епархии РПЦ при поддержке районных управлений образования и культуры, областного отделения Союза писателей России.

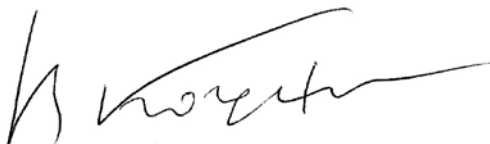
Когда-то в тревожные предреволюционные годы, практически в одно время, не сговариваясь, два больших русских поэта Иван Бунин и Николай Гумилев написали стихотворения с одинаковым названием — «Слово». Как известно, настоящие поэты — всегда прозорливцы. Они точно предвидели разрушительно-кровавую драму революции, нестроения, когда под удар будут поставлены не только судьбы государства, людей, но и судьба русского слова, русской литературы. Об этом периоде жёстко и честно писал всё тот же Бунин в своих «Окаянных днях».

Но русское слово, литература, пройдя испытания, сохранились, поднявшись на новую высоту. Как точно сказала Анна Ахматова: «Но мы сохраним тебя, русская речь...»

Сберегли, сохранили, пройдя через горнило испытаний, все так же неся читателям высокое благое слово, способное возвысить душу, побудить к благим деяниям, вдохновить на добро, утешить в нелегкую минуту. Но главное, наверное, — воспитать, опираясь на наши традиции, любовь к Отечеству, веру, светлую созидательную силу. Мне кажется, что ваш международный литературный конкурс год от года развивается именно в этом направлении. Он и вправду — международный: ведь свои произведения прислали русскоязычные писатели из многих стран — Украины, Белоруссии, Казахстана, США, Эстонии, Канады, Китая и др.

Конкурс и назван очень удачно: «Благословение». Здесь словно бы благословляются усилия писателей, в чьем творчестве содержится созидательное начало, чьи книги несут веру, любовь и надежду. В сегодняшнем тревожном мире это дорогого стоит.

От всего сердца поздравляю победителей конкурса «Благословение». Желаю новых творческих успехов — во благо русской духоподъемной литературы. Потому что талантливое слово писателя всегда отзывается добром.

**Приветственное слово
председателя Правления Московской областной
организации Союза писателей России,
члена Исполкома Международного сообщества
писательских союзов, заслуженного работника
культуры Российской Федерации
Льва Константиновича Котюкова**

Мы живем в эпоху, когда внешние и внутренние недруги России ведут яростную, неприкрытую информационную атаку на русскую самобытность, стремятся развенчать её в наших глазах, убедить в её ущербности и несвоевременности. Внешним и внутренним недоброжелателям очень хочется, чтобы мы отступились от испытанных временем национальных качеств, которые помогли нашему народу обжить громадное пространство от одного конца Евразии до другого, вынести иго Золотой Орды, возродиться, как Феникс, после Смутного времени, выдержать удар наполеоновского и гитлеровского нашествий, первыми выйти в космос.

Наши противники понимают, что заставить нас отказаться от национального строя души — значит, одержать над нами главную победу, которая неизбежно низвергнет наш народ в историческое небытие. Все, кто считают себя русскими и православными, дорожат своей историей и культурой, своей тысячелетней цивилизацией, должны решительно противостоять подобному замыслу.

И в развёртывающейся ныне борьбе за отстаивание и развитие нашей национальной самобытности одна из главных ролей, несомненно, принадлежит отечественной литературе. На это совершенно справедливо указал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своей речи на торжественной церемонии награждения лауреатов 2015 года Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: «Значение литературы для развития нашей страны невозможно умалить. Русская духовная культура всегда была литературоцентрична... Тон задавался именно книжным словом... Поэтому так важно уделять внимание литературе, помогать писателям, которые своим творчеством подтверждают традиционные для нашего народа ценности».

Между тем, отечественная литература, надо прямо сказать, сегодня отнюдь не соответствует своему высокому предназначению. Стреленная путами коммерции, ослеплённая миражами золотого тельца, она в изобилии тиражирует стереотипы потребительской психологии, бездуховности и безнравственности.

Чтобы дать отпор толпе разномастных беллетристов, пошедших в услужение всемогущему масскульту и галдящих на все лады его пошловатым голоском, нам необходимо возродить великую русскую литературу, литературу, способную силой светлого талантливоего слова возвышать умы и сердца миллионов соотечественников, заражать их желанием быть русскими, желанием идти своей дорогой, на которой станут им светить путеводными звёздами любовь, совесть, открытость, правда, самопожертвование, терпение, единение, красота.

Достичь этой цели невероятно трудно, но можно, если общество, государство, Русская Церковь, а также носители и творцы русской культуры, приверженные евангельским идеалам и великим традициям отечественной духовности, неразрывно связанные с глубиной и ширью русской жизни, начнут действовать вместе, сообща, соборно.

Ежегодный православный литературный конкурс «Благословение», ставший на третьем году своей жизни международным, являет собой прекрасный пример подобного благого соборного дела.

Хочется верить, что общие усилия обязательно принесут чаемые плоды, и идущие нам на смену поколения россиян захотят вслед за великим Александром Суворовым и нами воскликнуть с гордостью: «Я русский, — какое счастье!»

A handwritten signature in black ink, appearing to read "А. С. Храмов". The signature is written in a cursive style with a long horizontal flourish underneath.

От автора

Любезный читатель, книга, которую ты держишь в руках, — о русских людях, в различных обстоятельствах сохраняющих в себе лучшие качества русского характера. А ведь как сказал Ф.М. Достоевский: «Быть русским, значит, быть православным».

Сюжеты и герои этой повести заставляли возвращаться к себе, когда руки мои опускались в кажущемся бессилии, поддерживали меня, дарили радость открытия, преодоления и обретения. «О чём писать, — на то не наша воля», — сказал герой одного рассказа. Но ведь, исполняя не свою волю, душу, силы, знания мы прикладываем свои...

И теперь, любезный читатель, я точно знаю, что всякое честное усилие не остаётся без ответа...

Ответом мне и стал Ежегодный православный международный литературный конкурс «Благословение». Благодаря организаторам этого конкурса появилась на свет эта книга. Спасибо им!

И, как писали авторы старинных романов, за мной, мой любезный читатель...

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Прощай, «Надежда»!

Буря ревела и бесновалась уже вторые сутки. Океан безжалостно метал и швырял шхуну Российско-Американской торговой компании «Надежда». Огромные волны накрывали шхуну, пучина поглощала её, но она вновь выныривала и, подчиняясь неодолимой силе стихии, неслась в неизвестность.

Временами океан ослаблял свой напор. И гнавшие корабль волны уже не казались такими страшными, высокими и тяжёлыми. Тогда в лампе зажигали огонь, и в трюме, где находилась вся команда, становилось таинственно-сумрачно. Слышались непрерывающиеся все эти страшные дни и ночи молитвы корабельного священника отца Власия: «Пресвятая Богородице, спаси нас... Святителю отче Николае, моли Бога о нас...» Надежда на спасение озаряла души измученных, но не потерявших воли к сопротивлению людей...

Но вскоре снова накатывали страшные валы, безжалостно накрывали судно, неистовой силы порывы ветра швыряли «Надежду» из стороны в сторону...

Лейтенант русского флота, капитан шхуны Иван Андреевич Рукавишников оправил мундир, затянул кушак, потуже натянул белую парусиновую фуражку с твёрдым кожаным козырьком... Он принял решение. Отозвал в дальний угол трюма, где была выгорожена его каюта, боцмана Савелия Пирогова. Тот подошёл — седой, жилистый, сухой, с навечно обветренным красным бритым, иссечённым морщинами лицом; на левом предплечье его, под закатанным рукавом рубахи, — синяя пороховая татуировка: раскинутая крылья птица. Бывалый боцман похож на пирата...

— Савелий, подбери троих самых проворных. Как затишье настанет, раздвигайте люк, — негромко говорил капитан. — Я выйду, осмотрюсь. Ежели не успею, — крикну, задрывайтесь. Понял меня? Не бойся, я верёвку возьму, привяжусь к мачте, если что...

— Иван Андреевич, нельзя тебе. Давай уж, я выйду... Без тебя-то мы все сгинем, — сиплым голосом отвечал боцман.

— Я пойду, — твёрдо сказал капитан, и боцман больше не посмел возражать, кивнул седой головой.

И опять в неизвестности ждали, внутренне вздрагивая при каждом ударе волны...

Стихло... Рукавишников вышел из каюты:

— Боцман! Вскрывать люк!

Пирогов и ещё трое моряков (Губанов, Капустин и Головин) кинулись выполнять команду.

— Остальным оставаться на местах! — ещё скомандовал капитан. Прихватив верёвку, больше для их, членов его команды, а не для своего спокойствия, он, откинув крышку...

«Храни Господь!» — успел хрипло шепнуть Савелий Пирогов. А отец Власий в спину перекрестил капитана.

Рукавишников вышел на палубу. Люк за ним прикрыли, но оставили щель — Савелий смотрит, слушает.

Капитан огляделся: снесены все палубные надстройки, торчит, как свечной огарок, обломок мачты... И — это ли не чудо! — многовёсельная шлюпка, перевёрнутая вверх дном, накрепко притянутая канатами к мачте, — на месте.

Сверху — беспроглядное серое небо, вокруг — бескрайний серый океан. Ветра почти нет, но во всём — тревожное ожидание нового удара стихии... Рукавишников достал из-за кушака подзорную трубу. Во все стороны, — кажется, лишь приближенное оптикой, грозное водное пространство, сливающееся с грозным небом... Но... Что это? Прямо по курсу судна — волны будто расшибаются обо что-то, разлетаются пенными брызгами. Скалы! А там, дальше, за торчащими из воды, как огромные кривые зубы, скалами, — тёмная полоса. Земля!

Земля — это возможное спасение. Но скалы — это почти неизбежная гибель.

— Свистать всех наверх! — крикнул боцману.

Тот, конечно, «свистать» в трюме не стал — голосом крикнул, как в бочку бухнул.

И вот уже вся немногочисленная команда (кроме капитана — девять человек), один за одним, поднимается на палубу.

— Шлюпку на воду! Боцман, организовать погрузку: запас воды, продукты, порох, пули, ружья!

Команды капитана выполняются бегом...

— Господин капитан! — вдруг окликнул его тонким, пронзительным голоском крещёный алеут Яшка, черноголовый, маленький, юркий. Одет он по-русски — в великоватый армяк и штаны, но на

ногах его — кожаные, на мягкой, но прочной подошве короткие сапожки. Он показал пальцем назад, в океан. Затишье, действительно, оказалось недолгим. Будто чёрная стена стремительно приближалась к берегу, катились огромной высоты волны. Опережая их, ярко вспыхнула молния, и через мгновение, будто пороховой снаряд, разорвалась прямо над кораблём.

— Быстрее, ребята, быстрее! — закричал капитан, помогая морякам загружать шлюпку. После того как все перебрались в шлюпку, Иван Андреевич Рукавишников взял из своей каюты походный сундучок с корабельным журналом и личными вещами и, держась за борт, шагнул на верёвочную лестницу.

— Держите! — размахнувшись, он кинул сундучок в шлюпку, и его поймали в четыре руки двое моряков. — Прощай, «Надежда»! — крикнул и прыгнул, но неудачно. Шлюпку бросило от шхуны, и капитан упал в воду рядом с бортом. Хорошо, что боцман и Яшка-алеут, перегнувшись, тут же схватили его за руки и выдернули из воды, помогли взобраться в шлюпку.

— Руби канаты! — скомандовал Рукавишников.

Яшка, почему-то яростно оскалившись, выдернул из-за пояса тесак и рубанул по ближнему к нему канату; Иван Ситников, матёрый охотник-зверобой, перерубил второй канат.

— В вёсла, ребята! — капитан вместе с боцманом встал у руля.

Буря уже явно настигала их, спасение от волн — там, за рифами. Но туда, в прибрежные воды, ещё надо было попасть.

В шуме дождя, грохоте и блеске молний десять моряков борются со стихией, пытаясь пройти между двумя чёрными утёсами, грозно приближающимися, удар о которые — все понимают это — разнесёт шлюпку в щепы...

— Навались, капитан! — яростно заорал, не соблюдая уже никаких приличий, боцман Пирогов и сам налёг на руль, пытаясь уйти от столкновения.

И, кажется, им это удалось. Или нет?.. От людей уже почти ничего не зависело. Скалы были в десятке метров, щель между скалами — не более пяти метров.

— Вёсла убрать!.. Держись, ребята!

Едва не коснувшись бортом одной из скал, шлюпка проскочила в

узкий проход. До берега, уже ясно видимого, тоже грозно-скалистого, оставалось не более полумили.

Все облегчённо вздохнули.

Здесь было гораздо спокойнее. Рифы, полукружьем отделявшие бухту от океана, смиряли силу волн, и те, разбиваясь о них, уже невысокие, пологие, плавно катились к берегу. Бесперывно лил дождь. Но ветер дул не так сильно, как в океанском открытом пространстве.

— Разверзлись хляби небесные, — пробурчал уже добродушно-спокойно священник, поправляя на груди крест.

— Николка! Вычерпывай воду! — крикнул боцман парнишке, сыну Ивана Ситникова. И тот, маленькая, безбородая копия отца, бойко принялся вычерпывать деревянным ведром воду, что нахлестала в шлюпку с бурей...

— Яшка, давай, — на нос, смотри берег, не хватало ещё тут разбиться! — уже более спокойно сказал капитан. И алеут, как самый глазастый в команде, пробрался вперёд, старался разглядеть берег и выбрать место, где можно было бы пристать.

— Слава Богу, православные! Слава Богу! — гудел отец Власий, как и все остальные, работающий веслом. И медный крест на его широкой груди покачивался в ритм гребле.

В это время позади, у рифов, раздался страшный треск, который показался чьим-то предсмертным хрипом. Все туда устремили взгляды: то погибала шхуна «Надежда» — одно из первых судов, построенных на верфи в новом городе, «столице» Российско-Американской торговой компании Ново-Архангельске.

— В вёсла, ребята, в вёсла! — яростно крикнул капитан, отвернувшись от умирающего корабля, и твёрдо сжал губы, прищурил глаза под козырьком фуражки. И все также притихли, только скрипели уключины...

Моряки приближались к земле. Вернее, к камням. Сейчас уже все видели береговую усыпанную галькой, неширокую, почти полностью покрываемую прибоем полосу, а за ней — отвесные серые скалы.

Рукавишников рассматривал берег в подзорную трубу. Он и увидел, одновременно с Яшкой, это хоть немного удобное для устрой-

ства жилья место — некоторое углубление в береговой скальной стене. Яшка тоже махнул капитану, указал рукой. Иван Андреевич кивнул.

Вскоре шлюпка приблизилась к берегу на несколько десятков метров, проверили глубину — она была уже не более человеческого роста. И несколько моряков спустились прямо в воду, идя по дну, тянули шлюпку, остальные ещё помогали вёслами.

Это был пустынный каменистый берег... Безжалостные огромные волны остались позади. Стихли ветер и дождь. На небе начали проступать звёзды. Близились ночь.

Стали устраиваться. Шлюпку разгрузили, общими усилиями вытянули на берег. Поставив её набок, перекрыли со стороны моря углубление в скалах; поверху, хотя и не полностью закрывая выгороженное пространство, натянули кусок парусины. Получилось подобие жилища — метров десять на десять. Затем они прошлись вдоль берега и поблизости нашли дрова — два нетолстых ствола лиственницы. Топорами расщепили их, развели костёр, пообсушились, боцман нацедил из бочонка питьевой воды и выдал сухари. Обогрелись, перекусили...

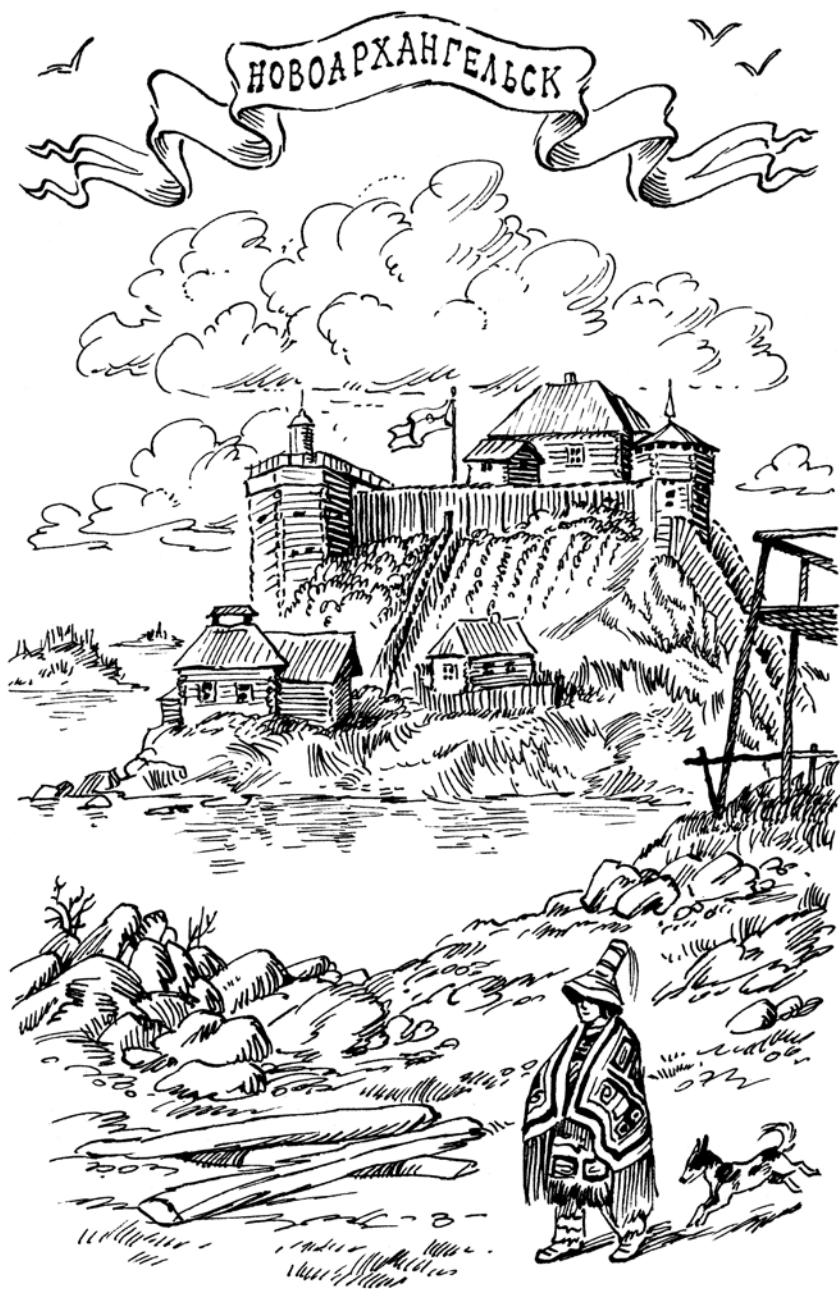
Только тогда капитан Рукавишников дал команду на отдых, но по военному назначил и караульных. Первую смену себе взял.

Некоторые, забравшись внутрь сооружённого на скорую руку жилища, сразу уснули, другие лежали, прикрыв глаза, а отец Власий молился.

Рукавишников сел у входа оставленной между бортом шлюпки и скалой щели так, чтобы видеть ближайшую к «пещере» часть берега. Страхивая наседавший сон, он поднимался, подбрасывал в огонь дрова, смотрел на людей, измождённых бурей и борьбой за жизнь, с которыми предстояло ему, он понимал это, ещё немало потрудиться... «Слава Богу, все живы!» — думал капитан...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кто есть кто?

Родился Иван Андреевич Рукавишников вдали от всяких морей — в наследном имении в Тульской губернии. Там и по сей день живут его родители. «А живы ли отец и маменька? — невольно задаёт он себе вопрос, подбрасывая топливо в огонь. — Ведь уж три года, как нет вестей от них...»

По достижении необходимого возраста, получив неплохое домашнее образование, был отвезён он батюшкой Андреем Ивановичем в Санкт-Петербург и определён в Морской корпус, где одним из преподавателей был их дальний родственник (это-то и послужило главной причиной того, почему именно туда его отдали).

Родственник, Александр Петрович Олешев, был строг к своему воспитаннику, но так же строг он был и к своим собственным детям. Так же, как их, и любил он Ваню, как называли Ивана Андреевича в домашнем кругу.

По окончании же Морского корпуса был он взят в экспедицию Крузенштерна, на судно под командою Лисянского «Нева». (Крузенштерн командовал «Надеждой», в честь которой позже и своему кораблю Рукавишников имя дал). Главной целью кругосветного путешествия Крузенштерна и Лисянского было установление водного пути в Русскую Америку — во владения Российско-Американской торговой компании...

Что говорить, попасть в такую экспедицию было большой честью для молодого человека. Но и причиной тревоги и слёз родных и близких. Родители тогда нарушили добровольное многолетнее затворничество в Тульском имении (поговаривали, что батюшка слишком явно выражал свою симпатию безвременно усопшему императору Павлу, что и стало причиной отставки по службе) и приехали в Санкт-Петербург. Благословляя сына на дальний путь, матушка едва не лишилась чувств, отец же крепился, но вдруг голос его петушино сорвался: «Не посрами русский военно-морской флаг! Не посрами!..»

На следующий день «Надежда» и «Нева» с Кронштадтского рейда ушли в дальнейшее плавание.

Многое пришлось впервые повидать молодому моряку в том легендарном походе: острова у побережья Бразилии; страшный штормами мыс Горн; таинственный остров Пасхи; будто рай земной, — Гавайи... Но, пожалуй, более всего запомнилось знаменитое и трагическое сражение с индейцами-колошами (сами же себя они

называли «тлинкиты») у селения, где позже и была построена «столица» Русской Америки — город Ново-Архангельск.

Что послужило причиной тому военному столкновению, — доподлинно неизвестно: может быть, предыдущие встречи с европейцами озлобили индейцев, или, как тоже поговаривали, они надеялись поживиться грабежом корабля («Нева» была в одиночестве, Крузенштерн увёл своё судно на Камчатку), но поначалу с виду мирные индейцы ночью предприняли атаку на судно. Десятки байдар окружили корабль, стрелы со звоном впивались в борт, звучали и ружейные выстрелы, но, к счастью для русских моряков, индейцы ещё не научились хорошо владеть огнестрельным оружием.

В том-то бою и повязала судьба накрепко Ивана Андреевича Рукавишникова и боцмана (в то время — старшего матроса) Савелия Пирогова.

Индейцы настырно приближались к кораблю, пытались зацепиться за борт. Лисянский сначала дал команду стрелять вверх, пугать их. Загремели выстрелы, корабль окутался пороховым дымом. Но это результата не возымело. Индейцы продолжали штурмовать корабль. Тогда капитан разрешил стрелять на поражение.

Громыхали залпы, со свистом летели стрелы и пули, индейские топоры и копья уже терзали борт корабля. Гортанные крики индейцев мешались с отборной руганью русских...

Иван Рукавишников один за одним разрядил два пистолета в приближающуюся лодку... Он перезаряжал пистолет, когда вскарабкавшийся по якорной цепи колош, с лицом, размалёванным чёрной и белой красками, как кошка, спрыгнул на палубу и замахнулся кинжалом. Тут-то Савелий Пирогов, оказавшийся рядом, и успел перехватить его руку. И хотя кинжал полоснул по плечу моряка, он сумел вырвать оружие из руки дикаря, обхватил по-звериному рычащего, отчаянно вырывающегося колоша, поднял над головой и выкинул за борт, но тут же пошатнулся. Рукавишников подхватил Савелия и помог спуститься в трюм, перевязал его рану.

Наутро бой продолжился на берегу...

И после замирения ещё долго случались кровавые стычки между русскими и тлинкитами.

А на берегу, напротив места того боя, и была построена крепость Ново-Архангельск.

И не думал Рукавишников, что там, на другом краю земли, пройдя полмира, встретит он своё счастье. Но уже через месяц после прибытия в Русскую Америку Иван Рукавишников посватался к дочери одного из первых помощников начальника Русско-Американской компании... А ещё через месяц и свадьбу сыграли, посажёным отцом на свадьбе сам Лисянский был.

Там, в Ново-Архангельске, уволившись с военной службы в звании лейтенанта, и остался служить Иван Андреевич. А «Нева», встретившись уже у берегов Японии с «Надеждой», отправилась дальше через Индийский и Атлантический океаны в Россию. Лисянский обещал передать письма Рукавишникова его петербургскому «благодетелю» Олешеву и в тульское имение — родителям...

Ждёт Ивана Рукавишникова в Ново-Архангельске его жена Ольга Сергеевна и двое детей: Андрей, четырех лет, и Анна, двух лет.

Общий портрет жены и детей, вписанный в медальон не очень умелым, но старательным новоархангельским художником, он и рассматривал сейчас, достав из своего походного сундучка. Вспоминал родные души... Но не дал себе расчувствоваться, убрал обратно. Хотел было сделать записи в судовой журнал, но, по неудобству, решил оставить это до светлого времени...

Савелий Пирогов долго выздоравливал и пошёл на поправку, когда Лисянский уже отбыл на Камчатку. Так и остался тоже на американской русской земле. Родом он, как сам рассказывал, — из беломорских поморов. «Живал я в городе Архангельском, теперя и в Ново-Архангельском пожить довелось», — сам Савелий посмеивался.

Рукавишников подкинул в костёр дровину, вскинувшееся пламя осветило спящих...

Спит, положив лопатистую ладонь правой руки на грудь, будто прижимая наперсный крест, отец Власий, старый моряк и американец. В Ново-Архангельск он уже с Алеутских островов перебрался. Яшка-алеут — его воспитанник с детских лет. Оба — люди надёжные.

Правда, как об алеутах по опыту своему знал Рукавишников, все они панически боятся заклятых своих врагов с каких-то незапамятных времён — индейцев-колошей. Яшку же в серьёзном деле капитан пока что не видел, но знает, что он ловок, хороший охотник, кое-что и в корабельном деле понимает, незаменим и как перевод-

чик. Маленько-то по-колошски каждый из них понимает, а Яшка и понимает, и говорить может.

Иван Ситников и сын его Николка — рядышком, спина к спине, спят... Люди невоенные, охотники-зверобои. Старший многожды возглавлял охотничьи партии на калана — морского бобра. Сын его тоже уже в охотничьих экспедициях бывал. Оба и стреляют отменно, и байдарой индейской или охотничьей шлюпкой управлять умеют. Иван, — кажется, из первых русских аляскинских поселенцев. Не раз и с индейцами встречался, знает их норы...

Четверо моряков присланы в Ново-Архангельск с Камчатки год назад. Люди все — бывалые, хотя пока ещё малознакомые: Семён Капустин, Егор Головин — эти постарше, матёрые мужики, и двое молодых — Алёшка Губанов и Митька Бугаев.

Вот и вся команда погибшей шхуны «Надежда». Вышла шхуна неделю назад из порта Ново-Архангельска с запасом семян, продовольствия и боевого припаса в Форт Росс, что в Калифорнии, — самую южную точку владений Российско-Американской торговой компании...

— Ваше благородие, господин капитан... Иван Андреевич... — боцман Савелий Пирогов осторожно потряс Рукавишникову за плечо.

Тот встрепенулся; поняв, что боцман будит его, смутился:

— Да-да... Савелий... Задумался я чего-то...

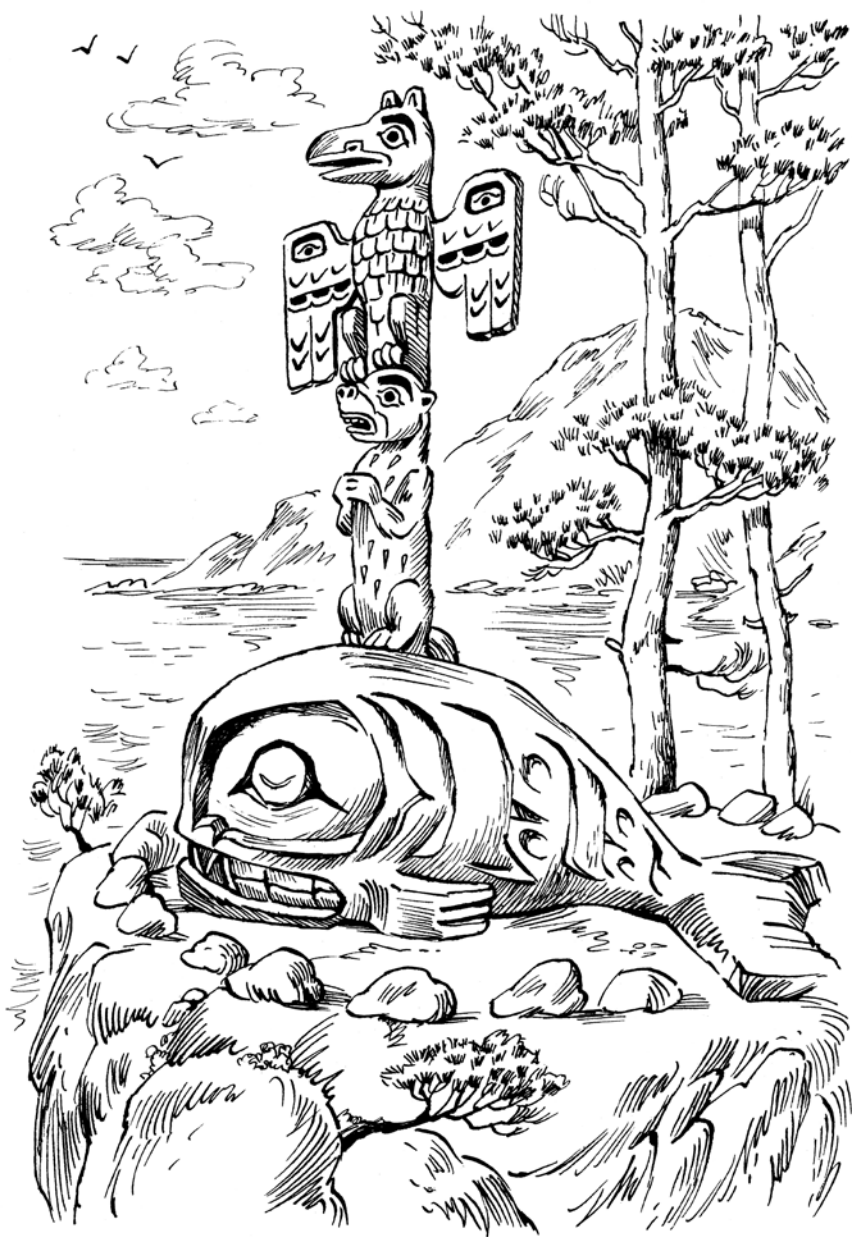
— Ложитесь, отдыхайте, — добродушно сказал Пирогов, и на твёрдых губах его обозначилось подобие улыбки...

— Да-да, — укутываясь кожаным плащом, уже из сна, проговорил капитан.

Боцман вышел из укрытия: огромная, тёмная, подсвеченная отражением звёзд вода вздыхала перед ним. Необъятное звёздное небо накрывало мир: и землю, и воду, и людей...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Обитаемый полуостров

Утро задалось чистое, прозрачное, тихое. Солнце поднималось долго, будто взбиралось на скалы, со стороны, противоположной входу в жилище моряков. Из чего нетрудно было сделать вывод, что находятся они на западном побережье. А вот побережье чего — острова ли, материка ли? Это и предстояло узнать в ближайшее время.

Оставив дневальными Семёна Капустина и Алёшку Губанова, Рукавишников разбил остальную команду на два отряда, один из которых возглавил сам, командование другим доверил боцману Пирогову.

Капитан пошёл с отцом и сыном Ситниковыми и Егором Головиным, с боцманом вышли отец Власий, Яшка и Митька Бугаев.

— Мы — направо, вы — налево, — просто сказал Иван Андреевич. — Ищите проход в скалах. В случае чего интересного или опасности, кричите, либо делайте выстрел. Но боевой запас берегите, попусту не стреляйте...

Берег был пустынен и гол; казалось, что это — одна каменная полоса вдоль скал, омываемая морем. Николка Ситников далеко вперёд убежал, да всё равно видно его. «Не терпится парню», — усмехнулся отец, поправляя на плече ремень ружья. Скалы ровные, но есть и трещины, есть и не очень высокие скалы, так что, отметил про себя Рукавишников, надо бы попробовать взобраться, поглядеть, что дальше за этой стеной. Пока же скалы эти всё больше и больше оживлялись. Чайками... Находили по берегу остатки шхуны: доски от обшивки и палубы... Всё это оттащивали подальше от воды с тем, чтобы затем использовать как топливо, а может, и для строительства.

Версты две прошли, когда Рукавишников приметил подходящую скалу: понизу — как ступени, а дальше, если ловкий да сноровку имеешь, можно, держась за уступы, ногами в расщелины упираясь, и на самый верх забраться.

— Иван Андреевич, дозвожь мне! — Николка запросился.

— Нет, надо мне самому глянуть...

— Ну, Иван Андреевич...

— Цыть! — прикрикнул тут на сына Иван Ситников. — Капитан знает, что говорит.

— Не спеши, Николка, хватит делов и на твою долю, — Егор Головин сказал, рассудительный, спокойный, всегда задумчивый до грусти трудолюбивый мужик с косматой головой (войлочная шапка каким-то чудом держалась на его волосах, а рот вообще был не виден за усами и бородой).

— Ну, ребята, ежели что, ловите... Вот, держите-ка пока что, — Рукавишников вытащил из-за кушака заряженный пистолет, передал Головину. Трубу же подозрную понадёжнее закрепил на поясе. Стал подниматься. Поначалу легко, чем выше — тем труднее нащупывая трещины между скалистыми краями. Камень, казавшийся таким прочным, предательски качнулся под ногой... Вот и сорвался, полетел вниз.

— Берегись! — крикнул Рукавишников.

— Держись, Иван Андреевич, — откликнулся старший Ситников.

Удержался и наконец-то вылез на верхушку казавшейся не такой уж и высокой скалы.

Глянул Рукавишников вперед — опять скалы, ещё и ещё скалы, и узкие каменистые прогалины между ними. И над дальними скалами — снова чайки... Чайки — значит, вода. Противоположный берег? Вправо посмотрел — скалы, скалы... А за ними, будто зелёная дымка, — леса! Влево глянул (в ту сторону отряд Пирогова ушёл) — гряда скал вдалеке обрывается в океан, и отчётливо видно, как в крайней своей точке берег начинает, расширяясь, бежать назад. Это значит, высадились они на узкий скалистый мыс, будто каменный рог, уходящий в океан. Но от острова отходит этот «рог» или от материка? Все вычисления показывают, что под ними всё-таки остров... И вдруг с той дальней, крайней точки мыса, куда ушёл второй отряд, прикатился выстрел.

Отряд под командой боцмана Савелия Пирогова шёл своим путём, по скучной уже каменистой полосе между водой и скальной стеной, меченной тёмно-зелёным лишайём. Пронзительно орали чайки...

— Яшка, а ежели колошей увидим? — Митька Бугаев, смешливый чернявый парень, алеута подразнил. — Сильно перепугаешься?

— С вами не страшно. А одному — сильно-сильно страшно, — простодушно ответил Яшка. — Тлинкит — сильно-сильно злой!

— Да, народец дерзкий, жалости, ежели ты — враг его, не знает. Но если — друг тебе, нет надёжнее, — боцман Пирогов сказал.

— Свет Христов всех просвещает. Вера истинная Божья сердца умягчает, — отец Власий пробасил, приподнимая полы подрясника и перешагивая через большие преграждающие дорогу камни.

Вдруг от берега вверх по отлогому скосу стены будто тропка каменная образовалась. Боцман первым на неё шагнул; за ним — священник, за ним — Яшка-алеут, ничего не боящийся рядом со своим крёстным — отцом Власием; последним — Митька, разбитной и глуповатый с виду парень.

— Вот это да!.. — будто все в один голос выдохнули.

... Как ни старался Рукавишников, а все-таки с высоты примерно двух своих ростов сверзился. Но был подхвачен на руки товарищей. И, не мешкая, все побежали в ту сторону, откуда прикатился звук выстрела.

А уж и от лагеря версты две отошли, да и до оконечности полуострова, поди-ка, — столько же...

— Господин капитан, как хотите, а мы — с вами! — крикнул Алёшка Губанов за себя и за Семёна Капустина, когда отряд под командой Рукавишникова достиг лагеря.

Капитан не стал возражать, все вместе вышли из лагеря. То бежали, то на шаг переходили. Кричать стали... И вскоре услышали в ответ бас отца Власия. И по раскатистому этому басу, по весёлости даже какой-то его, поняли, что ничего опасного там нет. Но, значит, есть что-то интересное!..

— Это что ж такое-то? Что такое? — Николка восхищённо и немножко испуганно на столб смотрит, крутится вокруг него.

— Что, что... Это колошский болван, — отвечает боцман Пирогов.

На самом окончании полуострова, где обрывались скалы и бесконечно дробились в пенные брызги волны, — каменная и на довольно большой, недостижимой обычной волной высоте — круглая, ещё и обложенная камнями площадка. А посреди неё — некое изваяние: основа его — огромный камень со следами обработки, так что, если присмотреться, то видно, что это кит. В середине головы этого кита выбито углубление, и в нём укреплено бревно, вернее — искусно вырезанная из ствола дерева фигура калана (морского бобра), хвостом укрепившегося будто бы в голове кита, а головой устремлённого вверх. И уже у калана на голове — большая клювастая птица, тоже из дерева сделана; сидит, вострыми когтями будто в

голову морского бобра впилась; крылья, с резаными даже перьями, полураскрыты...

— Вот, батюшка, вся тебе тут языческая философия: нижний мир — он у всех здешних народов с океаном связан, — кит; средний мир — калан, верхний мир — птица, орёл, видимо... — Рукавишников сказал.

— Да знаю я, господин капитан, знаю, насмотрелся, — откликнулся священник. — Яшка, как такие столбы-то у вас называются?

Яшка непонятно что-то ответил, так визгливо и быстро, что все засмеялись. А он обиделся:

— Не надо смеяться!.. Тлинкит услышит — всех зарежет! Это священное место тлинкита!

— Мы его сами зарежем... — начал и не закончил под строгим взглядом капитана Алёшка Губанов. — А ведь, ребята, надо нам быть осторожными. Кто знает, приплывают ли сюда дикие откуда-то с других земель или где-то поблизости живут... — сказал тут раздумчиво Иван Ситников.

— Верно, Иван Тимофеевич! — поддержал его Рукавишников и, ко всем обращаясь, сказал: — Караулы удваиваем. Только вдвоём дежурить и с оружием. С колошами, сами знаете, пока не подружисься — ухо остро держи.

— А подружисься — ещё вострее, — боцман добавил, почему-то противореча тому, что сам же недавно говорил об индейцах.

Впрочем, никаких следов недавнего пребывания людей в этом месте они не обнаружили.

Отряд усталых, возбужденных сделанным только что открытием людей возвращался в лагерь. По пути прихватывали доски и брёвна, выброшенные океаном. В лагере ждали превшая в котле каша и горячий самовар. И самовар этот стоял на неизвестном берегу очень основательно, крепко, по-хозяйски, посверкивал медным боком, готов был согреть моряков горячим кипятком...

— Наш брат, тульский, — довольно сказал Иван Андреевич Рукавишников. И все заулыбались. И самовар ещё пуще заулыбался солнечным боком.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Русский берег

Остаток первого дня пребывания на неизвестной земле провели мореплаватели в бытовых хлопотах: сделали полную ревизию продуктов, боевого запаса, инструментов; чинили одежду; из найденных досок соорудили над своим временным жилищем крышу, оставили лишь дыру для выхода дыма.

Отец Власий, чуть в стороне ото всех, тюкал топором по двум листовичным стволам, которые нашёл, возвращаясь в лагерь, и самолично притащил на могучих плечах.

Николка с Яшкой-алеутом решили порыбачить: взяли моток бечевы, нашлось и штук десять рыболовных крючков. Короткими прочными поводками крепили крючки к бечеве.

— Наживы-то нет у нас, — расстроился Николка, когда дело до наживки дошло, — тут же даже червячка дохлого не найдёшь, камень один.

Яшка улыбнулся, показав в улыбке удивительно белые зубы.

— Будет наживка, — и походил по берегу и вскоре нашёл небольшую двустворчатую ракушку с моллюском внутри.

Ракушек этих на берегу было много. И вскоре, прикрепив бечеву к длинному прочному колу, Яшка, раздевшись догола, пошёл в воду. Когда уж по самый нос углубился, стал вбивать кол в дно. Долго возился.

Добродушный Николка закричал ему:

— Яшка! Вылазь, застудишься!

— Не застужуся! — визгливым голосом отвечал Яшка.

— Ну и закалка у этих дикарей, — кивнув на него, сказал старший Ситников, помогавший крыть крышу их жилища.

— Да, я сам видел, что колоши многие и зимой по снегу босые ходят. Алеуты-то уже пожиже их здоровьем будут, — откликнулся боцман Пирогов.

— Это уж они при нас, при русских, разнежились, — кто-то из моряков добавил.

— Ничего себе, разнежились. Вон, ничего их, бесят, не берёт, — снова кивнул на Яшку Иван Ситников.

— Ты, Иван, парня так не ругай, он же крещёный, — вступился за Яшку боцман.

— Да ты, Савелий, у нас сам-то и бороду бреешь, и трубку куришь, — Иван Ситников усмехнулся.

— Это мне положено по званию, я — моряк. Двое нас тут и моряков-то настоящих: я да капитан, — с гордостью сказал Савелий. И добавил, слезая с крыши, усаживаясь на камень, доставая из кармана трубку и кисет. — Вот и покурить пора. А кто не курит, тот работает.

— Ну, мы уж лучше поработаем, — добродушно ответил Ситников. — Колька! — сына окликнул. — Бечеву-то не спутали?

— Нет, добро легла, — ответил Николка, обвязывая свой конец бечевы вокруг камня.

— Щепку подсунь, а то соскочит, — посоветовал отец и бросил сыну негодную в дело щепу.

Яшка уже возвращался, по пути поправляя поводки. И вдруг радостно крикнул:

— Еся! — И, подняв над головой довольно крупную рыбину, уже бегом устремился к берегу.

На берегу же, кинув рыбу Николке, тут же, не одеваясь, принялся искать новую раковину с моллюском.

— Срам-то прикрой хоть, — Митька ему крикнул.

— Ничто! — отмахнулся Яшка и, найдя раковину, снова в воду кинулся — надевать наживку на освободившийся крючок.

— Ну, с рыбой будем, — одобрительно сказал Савелий Пирогов.

— Да рыба-то уж обрыдла, — недовольно сморщился Алёшка Губанов.

— Когда жрать нечего будет, так посмотрим на тебя, — урезонил его боцман.

Капитан Рукавишников, взяв с собой лишь одного из моряков, угрюмого и молчаливого Егора Головина, снова сходил к той скале, на которую взбирался утром. В подозрную трубу вглядывался вглубь земли, на которой оказалась его команда. И всё больше приходил к мысли, что находятся они на острове. Довольно крупном,

и, получается, что не известном европейцам. Не подходит он под описание ни одного из островов, знаемых моряками в этом районе...

Егор внизу поджидал. По привычке к труду и непривычке к безделью, зашивал большой иглой дыру на выдавшем виды рукаве кафтана.

Спустился Рукавишников осторожно, учитывая утренний опыт, и на этот раз не сорвался.

— Что ты, брат, хмурый такой? — и сам не больно весело спросил капитан у Егора Головина.

— Чему радоваться, ваше благородие? Горевать, конечно, тоже не дело. А так — по России скучается, — неторопливо, рассудительно ответил Егор, пряча иглу с ниткой за отворот войлочной шапки.

Они пошли к лагерю, по дороге прихватили нетолстую, с обломанными ветками деревину — на топливо.

— Да я сам унесу, господин капитан, — попытался отговорить Рукавишникова Егор.

— Нет уж... Тут мы, брат, все равны.

Так и понесли, за оба конца деревину держа.

— Ты откуда родом-то, Егор?

— Тульский.

— Земляк! Какого уезда?

Егор назвал и уезд, и имя господ, у которых в крепости был. Рукавишников знал их.

— Бывал с родителями у них в гостях, и они — у нас... А из какой ты деревни?

Егор назвал деревню. Помнил и ту деревеньку Рукавишников. Невольно вспомнилась полевая дорога между крестьянскими полосками и барскими полями. Золотая, в колосе, рожь. Берёзовые колки, островки елового леса, в которые ходили по рыжики. Тихая, в зелёной ивовой оторочке, река... Как же далеко всё это теперь!

— Как же тебя сюда-то занесло? — спросил Рукавишников.

— Да как... Обыкновенно, по набору военному... Общество меня постановило... Так вот... Сперва в Иркутскую крепость нас погнали

— год шли. Потом уж и ещё дальше — на Камчатку. Оттуда уже с партией — в Ново-Архангельск. А там уж к вам на корабль приписали.

— Ясно. Я тоже давно, ох, давно дома не был... Не грусти, Егор. Выберемся отсюда, я в Россию поеду. Добьюсь, чтобы тебя со мной отпустили.

— Благодарствую, ваше благородие.

Тут Рукавишников почувствовал: что-то в сапоге колет, камешек попал. Глянул, а подошва-то надорвана. Поморщился недовольно: непорядка ни в службе, ни в обмундировании он не любил.

— Слушай-ка, Егор, просьба у меня к тебе... — неудобно ему было просить, замылся.

Егор по его взгляду увидел, что случилось, и даже вроде как обрадовался:

— Так, это... Иван Андреевич... Это я сделаю. Вы мне на ночь-то обутку свою отдайте, к утру и готово будет.

— Ну, ночью-то отдохнуть надо.

— А вы меня караульным поставьте.

— Караульным. В темноте, что ли, шить будешь? Нет, давай уж, брат, с вечеру — сколько успеешь, остальное — завтра. Придумаем что-нибудь. Да я за работу-то заплачу...

— А вот это ты уж меня обижаешь, Иван Андреевич. Да и почто мне тут деньги-то, а?

И оба вдруг рассмеялись негромко.

Они уже подходили к лагерю. В не завешенную «дверь» видны отблески огня. И... Рукавишников и Егор Головин не верили своим ушам — балалайка тренькала! Бросили деревину — и бегом к дому-пещере.

Это ж надо — в суматохе бегства с корабля, в спешке от грозящей гибели не забыли и про балалайку морячки!

Митька Бугаев тренькал, от удовольствия аж глаза по-котовьи прищурил, кудри чёрные на белый лоб свесились. Алёшка Губанов, пританцовывая, ходил вокруг огня. Остальные, заворуженно глядя на танцора, прихлопывали и притопывали.

Хотел Рукавишников выругать их за такую неосторожность и беспечность (никакой охраны снаружи не было), да и не стал. Сам игрой заслушался, на пляску загляделся.

А Егор Головин — нелюдимый угрюмец — вдруг запритопывал... да и пошёл с Алёшкой в перепляс, прокричал вдруг отчаянно:

Ох, село моё, село,
Село моё высокоё!..
Солнце село за лесок,
Сердушко заёкало!
Кабы знал, куда лететь, —
Полетел бы соколом!..

К Рукавишникову боцман подошёл, сказал тихонько:

— Иван Андреич, ты уж извини, разрешил я по чарке с устатку...

Вот тут-то Рукавишников вспылил:

— Ну-ка, — за рукав Пирогова наружу выдернул. — Вот это — чтобы в последний раз. Только по моей команде, по моей личной команде... — И, смягчившись, добавил: — Нельзя нам, боцман, слабину давать. Да, нужно отдых дать людям, но ты не имел права... Только я... И чтобы все это знали. — И добавил: — Уж ты не обижайся на меня, Савелий. Ты — моя главная опора.

— Понял, Иван Андреевич. Всё понял.

— Вход завесить, огонь убавить, шум прекратить! — скомандовал капитан, вернувшись в пещеру.

И вдруг за спиной его добродушный бас раздался:

— Православные, потрудиться бы надо!

Отец Власий. Весь день он чем-то своим в сторонке занимался. Про него даже как-то забыли.

— Пойдёмте-ка, православные, — ещё раз сказал священник.

Все вышли и увидели неподалёку прислонённый к скале большой деревянный православный крест.

— Яму я уже выкопал. Только поставить и камнями закрепить, — будто оправдываясь, говорил священник.

— Вот это правильно! Спасибо, батюшка! — капитан сказал.

— Мы — люди русские, нам без креста — никак, — довольный похвалой и тем, как дружно все взялись закреплять крест в яме, отвечал отец Власий.

Вскорости крест прочно стоял на берегу, и волны с тихим шёпотом омывали его каменное подножие.

И тогда отец Власий, поправив крест на груди, просто сказал:

— Помолимся, православные. Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Все подхватили. И эта совместная молитва словно перенесла их на родной русский берег.

ГЛАВА ПЯТАЯ
Хозяева острова

Рукавишников разомкнул глаза: в их временном убогом жилище царил полумрак, в дымовое отверстие и в щель неплотно завешенного входа заглядывало серое утро, матово светились сизоватые, подёрнутые пеплом угли костра. А в изголовье — Рукавишников даже не поверил сразу, закрыл глаза и снова раскрыл — его сапоги кожаные. В том месте, где вчера подошва надорвалась, — аккуратный шов какой-то прочной жилкой. И даже начищены и смазаны жиром. Вон он спит, Егор Головин, к стене отвернувшись. «Спасибо, брат!» — про себя капитан сказал.

Выйдя из пещеры, увидел и обоих караульчиков: один — по правую руку, другой — по левую, за камнями притаились.

— Алёшка! Спишь, что ли? — окликнул капитан.

— Никак нет! — бодро ответил часовой.

«А ведь точно, дремал», — усмехнувшись, подумал Рукавишников.

— Давай-ка, ставь воду, грей похлёбку... Митрей, помогай, — второму караульчику, Митьке Бугаеву, сказал.

Этой ночью Иван Андреевич Рукавишников принял решение: оставаться на месте — бессмысленно и равнозначно гибели. Они так и не нашли вблизи лагеря источник питьевой воды, да и запас продовольствия быстро растает. Всё это надо искать, иначе — потеря сил и болезни неминуемы.

Но кого оставить в лагере? А здесь надо кого-то оставлять для охраны шлюпки и продуктов. А если на шлюпке двигаться вдоль берега? Но будет ли и дальше удобное для стоянки место? Да и велик риск потерять в результате единственное судно. Это здесь они защищены от океанских волн линией рифов, а когда выйдут из бухты, что ждёт их?

Нет, сделают они так: основным отрядом углубятся в остров, туда, где кончаются скалы и начинаются леса: там должны быть вода и пища, там — спасение... Затем будут думать, если это потребуется, о переноске лагеря на другой участок берега. Вполне возможно, что на острове есть реки, вот в устье такой реки — самое бы место для главной стоянки. Всё это он уже думал-передумал. И всё равно сомнения оставались. Но сейчас надо было побороть все сомнения, команда не должна их видеть.

После завтрака Рукавишников сказал:

— Слушай мою команду, братцы. Савелий Пирогов, отец Власий, Егор Головин, остаётесь в здесь, в лагере. Охраняете имущество и шлюпку нашу, как зеницу ока. Наблюдаете за океаном. В случае появления судов даёте им знаки дымом, криками, выстрелами — всеми доступными способами. Для остальных — час на сборы, и выступаем. Идём, други мои, исследовать землю неведомую. В этом — наше спасение, а России — слава.

— Да какая уж и слава... — недовольно вроде бы Алёшка Губанов отозвался.

— А та слава, — неожиданно сердито Рукавишников продолжил, — что мы — подданные Российской короны, и земля эта, ежели нет её на картах, должна быть нами изучена и к ногам государя императора положена!

— Иван Андреевич, меня-то что же... — просительно боцман начал.

— Савелий, ты здесь нужен.

— А я чего же? — отец Власий спросил.

— Молись за нас, отче, — ответил капитан.

Егор Головин промолчал.

Начались сборы в поход. Питьевая вода — во фляги, запасная одежда и провиант — в мешки, оружие ещё раз проверили.

— Савелий, ежели на десятый день не вернёмся, жди ещё неделю, а дальше принимай на себя команду и по своему разумению действуй. До того времени отсюда не уходить, провианта и воды вам пока хватит. Ежели придётся сниматься с этого места, оставь письмо вот под этим камнем с указанием дня, когда снялись, куда и как двинулись. Шлюпку берегите. Чтобы в любой момент она была к плаванию готова, — отдавал последние распоряжения Рукавишников.

— Всё сделаю, Иван Андреевич, не сомневайся. Добрый путь вам.

— С Богом, православные! — напутствовал товарищей отец Власий.

Отряд под предводительством Ивана Андреевича Рукавишникова цепочкой двинулся вдоль берега.

Погода способствовала путешествию; океан был тих, будто отдыхал после бури. Осеннее солнце грело, но не обжигало, чистое небо

не предвещало непогоды. Шли вдоль скальной стены. Давно уже прошли и ту скалу, на которую забирался Рукавишников.

К вечеру береговые скалы стали заметно ниже, на них появилась растительность — кусты шиповника, трава. А вскоре вышли и к устью неширокой речки — скорее, это был даже ручей.

Тут и заканчивались береговые скалы. По ту сторону речки — галька, булыжник, кусты, и за ними — густой еловый лес.

«Вот куда, в устье этой речки, надо бы стоянку переносить, — отметил мысленно капитан, — и на шлюпке вдоль берега в тихую погоду вполне можно сюда пройти».

Поднялись чуть выше по руслу. Берег был в зарослях ивы, ольхи, шиповника...

— Ой, смотрите-ка! — Николка, шедший сейчас рядом с отцом впереди отряда, первый заметил, пальцем указал, все остановились, смотрели: огромный, с ветвистыми рогами лось пил бегущую прозрачную воду. Он неторопливо поднял величественную голову, замер, увидев людей, и, неспешно развернувшись, ушёл в лес...

— Так пусть и называется речка: Лосиная, — Рукавишников сказал. Искомандовал: — Привал! На ночлег разбиваемся.

Расчистили от кустов площадку на берегу. Семён Капустин развёл костёр. Подвесил котёл над огнём. Все вдоволь напились чистой холодной воды.

— Яшка, пока не стемнело, надо бы окрест оглядеться и по тому берегу пройти, — сказал капитан алеуту. Тот кивнул, ножны на поясе поправил.

Увидел Рукавишников, что не по себе алеуту: сказывается, видно, наследственный страх перед индейцами-глинкитами. Но ничего больше не сказал ему капитан, сделал вид, что не заметил боязни.

— И я с ним! — Николка вдруг выскочил.

Рукавишников хотел сначала отказать, но глянул на Ивана Ситникова — всё же отец, а тот махнул рукой: мол, пусть идёт.

— Идите, осторожно только. И далеко не заходить, на голос откликаться, — разрешил капитан.

И тут, как гром среди ясного неба, раздался выстрел.

Что такое? Все схватились за оружие. Из-за кустов Алёшка Губанов вышел с ружьём в одной руке и огромным бровастым глухарём — в другой.

— Кто разрешал стрелять?! — строго Рукавишников спросил.

— Так я иду, а он сидит... Ну, свежатинки-то надо нам похлебать, — отвечает Алёшка и ухмыляется.

«Вот же наглец! — думает капитан. — Но зато не унывает никогда. Это важно!»

— Ну... Иди, обдирай перо, потроши... — уже спокойнее капитан сказал. И для всех добавил: — Ружейный огонь — только по моей команде или в случае крайней необходимости. Нельзя нам тут шуметь пока.

— А чего я — перо-то... Я добыл, я и ощипывать... Вон, помоложе меня есть, — Алёшка обиженно сказал и кивнул на Яшку и Николку.

— Давай-давай, выполняй команду, — Митька Бугаев дружка поддел.

— А ты костром займись, заготовь дров, пока не стемнело. Да не шуметь, говорю! — сердито кинул капитан Бугаеву и отвернулся.

Хотел он, было, на всякий случай Яшку с Николкой попридержать, но тех уже и след простыл.

Они уже пробирались сторожко, по-охотничьи, вдоль речки, которой капитан дал название Лосиная. Шли так, что ни ветка не шелхнётся, ни сучок под ногой не треснет. Николка с детства эту науку у отца перенял. А Яшка, наверное, и родился уже с этой наукой в крови.

Они остановились, замерли, чтобы увидеть и услышать жизнь вокруг себя.

Дробил на том берегу дятел, перелетела с ветки на ветку птица-сойка, в ручье гулко плюхнула рыбина, и ещё одна... И вдруг круглая усатая голова вынырнула посреди ручья — выдра с рыбиной в зубах. Сорока села на ветку рябины с ярко-красными гроздьями, покивала хвостом и улетела... Где-то впереди, невидимая, закрякала утка, ей откликнулись выросшие до размеров матери птенцы... И будто серая тень мелькнула между стволами на том берегу, не потревожив даже листву.

Постояв немного, они снова тронулись с места. И там, где павшая ель с того берега перекинулась мостом на их берег, осторожно (подгнившая скользкая кора, острые сучья), но быстро перешли через речку. И снова затаились в прибрежных кустах. Потом поднялись по некрутому берегу в лес. Это был матёрый тёмный ельник, от которого пахло смолой, хвоей и прелью.

Яшка молча указал на продолговатые катышки и раздвоенные следы, Николка кивнул: лоси. Стали спускаться к лагерю — недалеко и ушли-то. Но предосторожности сохраняли. Двигались всё время молча, бесшумно. И вдруг Яшка к земле склонился, даже руками траву раздвинул. И будто бы страшно испугался: отпрянул, присел и заглядывался. Николка посмотрел и увидел чёткий след босой ноги.

Сначала тихо-тихо, будто бесплотные, уходили, потом разом, оба, сломя голову к лагерю побежали. На берегу напротив лагеря Николка первым крикнул:

— Дикие!

И оба ломанулись прямо через Лосиную реку, вода которой не скрыла их даже посредине.

Опять все за оружие схватились.

— Да где они? Кто?

— Там... След... Человека... — Николка запыхался и всё не мог в себя прийти.

— Какой след?

— Босой след. Тлинкиты босыми ходят, — выпучив глаза, сказал Яшка.

— Значит, столб на мысу поставили не гости, а хозяева этой земли, — раздумчиво сказал Рукавишников. — Сколько их там, как думаете, было?

— Один, — нетвёрдо ответил Яшка.

— Мы одного следы видели, — сказал Николка. Он старался не показывать страха, но голос предательски дрожал.

«Даже если один, то вскоре вся деревня узнает... Вот далеко ли деревня? И что они предпримут? И что нам предпринять?» — думал Рукавишников.

— Темнеет уже. Дёргаться нам — смысла нет, найдут они нас везде, если захотят, — будто понял раздумья капитана охотник-зверобой Иван Ситников.

— Да. Слушай команду. Сделать завалы — вон там и там, за ними — по часовому будет, ещё один у воды сядет. Всю ночь на постах меняться будем. Сейчас же — всем подкрепиться! Ложки — к бою! — весело скомандовал капитан. — Не будем унывать, ребята. Не впервой нам в неизведанных землях с туземцами встречаться. Главное же, чтобы поняли они, что мы — мирные люди и хотим мира. Не стрелять по ним! До последнего — не стрелять! Если же прижмёт — стрелять сначала лишь для острастки, в воздух. Не воевать мы с ними должны, а подружиться. Запомним крепко, братцы: спасение наше — в дружбе с индейцами!

Ночь прошла в тревожном ожидании. Все были готовы к нападению. Но никто на моряков не напал.

Поутру снялись, переправились через реку Лосиную и сначала двигались вдоль берега, потом — вглубь леса, оставляя при этом едва заметные следы: сломанную ветку, насечку на стволе, черту железом на камне... Ведь придётся и возвращаться. Рукавишников и на бумаге, разметив её, как карту, путь отмечал.

Иван Ситников впереди шёл шагов на тридцать.

Капитан невольно любовался следопытом-охотником: весь облик его внушал уверенность — крепко сбитый, лёгкий на ходу, сильный. Амуниция, несмотря на поспешное оставление судна и походные условия, — в полном порядке, всё ладно пригнано: через правое плечо, наискось — широкий ремень-натруска, к которому привешена роговая пороховница, мешочек с запасными кремнями; через левое плечо — ремень ружья, закинутого сейчас за спину так, что и снять при необходимости можно быстро, и идти не мешает; к широкому кожаному поясу ножны с ножом приторочены и кисет, в котором — огниво с кремнем и трупом... «Да, это повезло нам, что Ситников в команду попал, — подумал капитан. — Следы, как книгу, читает; лес, как свой дом, знает...»

Вдруг Иван Ситников резко пригнулся к траве и рукой подал знак остановиться. Все замерли. Охотник повозился у ствола толстой ели и быстро, почти бегом, вернулся к отряду. В руке его была оперённая, с медным наконечником, стрела.

— Вот, стрелу пустили. Знак дали... — серьёзно сказал охотник,

интонацией будто бы спрашивая капитана: «Что делать будем?»

Рукавишников осмотрел всех, принял решение.

— Всем затаиться, оружие приготовить, но без моей команды не стрелять. Яшка, пошли!

Капитан поднялся в полный рост, двинулся в ту сторону, откуда стрела прилетела; слева от него и чуть сзади шёл испуганный алеут.

— Яшка, давай, как можешь, говори, что мы — мирные люди, что мы с миром пришли, говори, Яшка. Да не бойся. Говори... — негромко, но требовательно капитан сквозь зубы цедил.

Яшка забормотал что-то.

— Громче говори! — уже и сам громко капитан сказал и остановился, поднял высоко обе руки, показывая, что он — без оружия.

Яшка громко заговорил на тлинкитском наречии.

— Иван Андреевич! — услышал капитан крик сзади. Обернулся.

И увидел только, как колышутся ветки кустов, кто-то убегал там.

Прогремел выстрел. Это Иван Ситников для остратки в воздух пальнул.

— Не стрелять! Что там? — подбегая к нему, крикнул капитан.

— Алёшку Губанова утащили!

Алёшка шёл в отряде замыкающим, поотстал. Когда все остановились, остановился и он. Отложил ружьё, чтобы сапог поправить. Тут-то и накинули ему на голову какой-то мешок, подхватили под руки, за ноги, потащили. Он всё же успел вскрикнуть.

— Да что же мы стоим-то, братцы! За ними! — кинулся было в погоню за похитителями своего друга Митька Бугаев.

— Назад! — остановил его криком Рукавишников, памятуя о том, что первая стрела прилетела с другой стороны.

— Стой, — схватил Семён Капустин порывавшегося бежать Митьку. — Слушай, что капитан говорит!

И в этот же момент все услышали какое-то подвывание. Обернулись, а это Яшка-алеут пятился и от страха слова сказать не мог, только выл, а скорее скулил по-щенячьи, показывая пальцем...

Между деревьев стояли чудовища: головы — квадратные, на головах сверху — рога, птицы какие-то, морды. И на самих квадратных головах — страшные большеглазые хари. И туловища — прямоугольные, будто из ствола толстого дерева вырубленные, но руки из этих туловищ человечьи торчат, а в руках — луки.

— За деревья! Не стрелять пока! Это колоши! — крикнул капитан.

Рукавишников помнил эти страшные одеяния индейцев: доводилось видеть их и во время обороны Ново-Архангельска, и в других стычках.

Он знал, что это обычные деревянные латы — куски дерева, скреплённые жилами животных, раскрашенные, как принято у индейцев. Эти латы способны защитить от стрел, от пули на излёте, но с близкого расстояния, конечно, от ружейного выстрела не защитят. И сейчас можно было бы уложить всех этих чудовищ одним прицельным залпом. Можно бы — да нельзя.

Иван Андреевич понимал, что на острове, населённом индейцами, даже с ружьями они не смогут долго противостоять хозяевам в случае военных действий.

Тем временем, страшилища, выпустив ещё с десятков стрел, стали отступать за деревья и будто растворились в лесной чаще.

И было похоже, что стрелы они намеренно пускали мимо моряков, ни один из них не был ранен.

— Яшка, кричи им, что мы — друзья, кричи, что с миром пришли, — снова велел Рукавишников алеуту.

Яшка, справившись со страхом, что-то крикнул. Но то ли индейцы не понимали его, то ли не хотели слушать. Никто не отозвался.

Видимо, они просто ушли. Но ведь наверняка кто-то остался для присмотра за чужаками.

— Давайте, братцы думать, что делать будем, как товарища нам выручать, — сказал Рукавишников.

— Ружьё Алёшкино взяли, — угрюмо молвил Семён Капустин.

— Это плохо...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Алёшкин плен

«Пучок травы, что ли, в рот сунули? Гадость! Корова я вам, что ли?» — подумал Алёшка. Замычал, задёргался, но тут же получил ощутимый тычок под рёбра и благоразумно утих.

На голове его по-прежнему — мешок, рот заткнут, ноги и руки спутаны. Его несут четверо индейцев: двое держат за сукно армяка на плечах, двое — за ноги... После ружейного выстрела они бежали, не останавливаясь, молча. Иногда чувствовал Алёшка царапанье и хлёсткие удары веток.

«Осторожно несите, ироды!» — зло думал Алёшка и дёргал ногой, будто хотел пнуть, но только лишь сам опять получал тычок. «Вот же влип... Попал, как кур в ощи! Вот же угораздило!..»

И, наконец, понимая, что задыхается в этом мешке, Алёшка Губанов отчаянно задёргался всем телом, замычал, не обращая внимания на тычки и удары... Его бесцеремонно бросили на землю. Что-то говорили между собой. Алёшка опять задёргался. На этот раз его не ударили, посадили, прислонив спиной к шершавому стволу дерева, сдёрнули мешок с головы. И Алёшка чуть не захлебнулся воздухом и светом, аж слёзы потекли...

Только сейчас он и разглядел их. Четверо рядом стояли, снимали с себя деревянное облачение. Алёшка слышал от бывалых людей, что колоши на войну в деревянные латы одеваются, но сам раньше никогда не видел. Вот один из них короб деревянный, разрисованный жёлтой краской, с головы стащил: лицо обычное, человеческое, индейское. Чёрные волосы забраны назад и сплетены в тугую косицу. Скинул две широкие доски, прикрывавшие грудь и спину: короткая кожаная куртка, под ней — рубаха, штаны тоже кожаные, на ногах чуни какие-то, кожаные тоже. И остальные так же одеты, только некоторые босые. Ещё один индеец, без лат, стоял чуть в стороне, с луком в руках, осматривался.

Тот индеец, что был ближе к нему, вдруг оскалился, глянул зло на Алёшку, выдернул из ножен нож и коротким движением показал, как он перережет пленнику горло... Нож был костяной. «Железа у них нет, что ли? Совсем дикие», — равнодушно подумал Губанов. Языком вытолкнул травяной кляп, сплюнул скопившую слюну.

— Чего грозишься-то, нехристь? — сказал отчаянно, решив для себя: «А, будь что будет. Семи смертям не бывать, а одной не миновать».

Индеец тут же изменился в лице, кажется, даже улыбнулся. Но палец к губам поднёс и поводил им вправо-влево.

— Молчи, говоришь... А я вот заору сейчас — наши прибегут, всех вас постреля... — он не успел и договорить, индеец закрыл ладонью его рот, а потом другой рукой всунул кляп — тряпку какую-то...

На груди индейца висел на кожаном шнурке металлический кругляш, на кругляше — морда какого-то зверя... «Значит, железо есть у них всё-таки...»

Тем временем, все индейцы скинули свои деревянные доспехи, сложили их, наподобие солдатских ранцев, закрепили их за спинами. У каждого, кроме того, был колчан с оперенными длинными стрелами, лук через плечо перекинутый, ножи в кожаных ножнах на поясах висели... А у одного в руках и ружьё Алёшкино было. Но потому, как индеец держал его, будто палку, понял Алёшка, что дикари не понимают, что это — грозное оружие. Пороховница и подсумок с пулями оставались при пленнике...

Пятый индеец, стоявший в стороне, махнул рукой. Тот, что сунул Алёшке в рот кляп, снова выхватил нож, нагнулся, перерезал путы на ногах пленника. Потом и на руках. Но руки тут же снова связали уже спереди, да ещё и верёвку-поводок привязали. Тронулись в путь теперь уже не бегом — быстрым бесшумным шагом. Губанову ничего не оставалось, как следовать за индейцем, тянувшим его за верёвку. Точнее, это не верёвка была, а прочный кожаный шнурок. «Как бычка, на верёвочке ведут!» — зло подумал Алёшка.

Лес кругом стоял густой — ели, кусты, осинки, берёзки, даже гриб увидел Алёшка — обабок. «У нас в деревне за поскотиной такой же лес начинается, и обабки растут», — опять Алёшка подумал. Вспомнилась ему родная вологодская деревня, из которой, вон аж, в какую даль, судьба занесла — через всю Сибирь, через океан, на берега Америки.

Резкий рывок за поводок, чуть не сбивший его с ног, и злой оклик оборвали воспоминания и заставили побыстрее переставлять ноги.

Алёшка попробовал было размять кисти рук, заодно и поослабить петлю на них. Но индеец сразу же ещё сильнее дёрнул верёвку. Алёшка упал, поспешил подняться и через несколько шагов понял, что повредил ногу: правая стопа так болела, что почти и ступить на неё не мог.

Индейцы остановились, увидев, как он хромает. О чём-то стали переговариваться. Губанов в это время сел, ноги вытянул. Он с интересом наблюдал за индейцами. Похоже было, что тот, на шее у которого металлический кругляш висел, был у них главным. Он и по возрасту был явно старше остальных, и говорил мало, но резко, и все слушались его. Сейчас этот «главный» (Алёшка про себя так и стал называть его) сердито выговаривал тому индейцу, что вёл Алёшку. Тот выслушал своего командира с опущенной головой, кивнул и подошёл к Губанову, присел перед ним... Его явно удивили сапоги пленника. Такой обуви у индейцев не бывало, он потрогал голенища, подошвы и лишь потом жестом велел снять правый сапог.

Алёшка связанными руками, морщась от боли, стянул сапог, разматал портянку... И обувь его, и даже портянка вызвали искренний, живой интерес индейцев. Сапог передавали из рук в руки, осматривали. Портянку, правда, развернув и осмотрев, тут же бросили к ногам пленника.

Алёшка снова сумел вытолкнуть кляп и сразу же выпалил:

— Ну, вы, дикари, сапог не видели? И нечего портянку кидать... Олухи.

Никто не обращал внимания на его слова.

Индеец взял руками стопу Алёшки (щиколотка уже начала опухать), шевельнул её.

— Да что ж ты делаешь-то, ирод! — не выдержал Губанов. — Больно же...

Индеец покивал, уже более осторожно ощупал щиколотку, снова кивнул, что-то сказал другому (молодому, — наверное, лет двадцати) индейцу, и тот заозирался, нырнул в кусты и вскоре вернулся, держа в руках широкие лопушиные листья.

Этими листьями индеец обернул Алёшкину ногу на месте опухоли, достал какую-то тряпицу и плотно замотал поверх лопуховой обертки.

— Да что вы, лопухами-то, — даже смешно стало Алёшке. — Ну, лекари...

И индеец в ответ улыбнулся и даже вдруг хлопнул его по плечу, сказал что-то.

Алёшка тут почувствовал, как приятно щекочут шершавые листья лопуха кожу, какие они холодные и будто вбирают в себя боль.

Опять же знаками индеец велел обуваться.

— Так руки-то уж развяжите, теперь уж не убегу! — обратившись к «главному», сказал Алёшка, выставил перед собой стянутые ремнём кисти рук.

«Главный» кивнул, и «лекарь» поспешно развязал руки. И было заметно, что «главному» понравилось, что и пленник понял, кто тут главный.

С трудом, не надев портянку, Алёшка всунул перевязанную ногу в сапог, портянку бережно свернул, за пояс заткнул. («Всякая тряпица в деле согдится», — так отец его говаривал). Осторожно встал, попытался идти, один из индейцев хотел протянуть ему палку наподобие посоха, но «главный» что-то сказал и махнул рукой. Благодетель откинул палку в сторону.

«Боитесь...» — подумал Алёшка и с трудом сделал следующий шаг, потом ещё...

Двинулись, вытянувшись цепочкой, по лесной тропе. Впереди Алёшки шли четверо индейцев-колошей, пятый шёл за его спиной, присматривал. Шли теперь, не торопясь, но и останавливаться Алёшке, несмотря на его больную ногу, не позволяли.

«Далеко ушли. Эх, не найти нашим меня в этих дебрях! А всё равно убегу! Направление знаю; главное, на морской берег выйти, а берегом до стоянки доберусь... Если дикари не убьют», — тут же подумалось, но Алёшка сам эту мыслишку пригасил в себе. Пока что, похоже, убивать его не собирались.

Перешли вброд шуструю каменистую речку. На другом берегу остановились. Алёшка отметил, что ельник сменился здесь старым матёрым кедровником. Кедры, в обхват толщиной, высоко тянулись, широко разбрасывали ветви. И шишек, уже почти спелых, было много.

«Главный» для всех сделал жест — молчать.

Алёшка ничего, кроме журчания воды и шума ветра в макушках деревьев, не слышал. Раздался резкий вскрик какой-то птицы. Неожиданно, так же, по-птичьи, вскрикнул «главный».

Все индейцы присели на береговые камни и ствол павшего дерева,

спокойно разговаривали, склонялись к воде и пригоршнями пили, наполняли фляги, сделанные, как подумалось Алёшке, из сухой тыквы. Алёшка подковылял к самой воде и тоже напился из пригоршни, умыл спёкшееся от пота лицо.

Вскоре на тропе, идущей вдоль берега, показался индеец; подняв руку, он сказал что-то, — наверное, приветствие. «Главный» и его отряд поднялись и ответили таким же приветствием.

За первым индейцем из-за завесы кустов появились собаки, — много, с десяток, наверное: лохматые, рыжие, с черными подпалинами, с вываленными языками, они были впряжены и тащили за собой волокушу, на которой лежала лосиная туша. Ещё двое индейцев подгоняли собак.

«С охоты возвращаются», — понял Алёшка. «Вот и меня заохотили», — опять зло подумал.

Вновь прибывшие отвязали собак от волокуши, и те бросились к воде, жадно лакали. Индейцы же рассматривали удивлённо Алёшку, а воины, захватившие его, оживлённо говорили, размахивали руками. Видно, рассказывали про чужаков, появившихся на острове. Огромный интерес индейцев вызывало и ружьё. По тому, как они рассматривали его, было ясно, что они не понимают, что это такое, и никак не связывают его с выстрелом, который, наверное, показался им громом небесным. «Да, кто-то из наших пальнул им вслед, хорошо хоть не попал, а то бы точно убили меня», — думал Алёшка Губанов, наблюдая за индейцами.

Внимание их снова на чужеземца переключилось, все вокруг него столпились, что-то говорят: то на сапоги показывают, то на пороховницу...

«Вот устались-то...» Вспомнил, как на ярмарку в соседнее с их деревней село привезли бродячие скоморохи обезьяну: вот так же народ толпился вокруг неё, дивился... Алёшка невольно улыбнулся, вспомнил: был он тогда совсем ещё парнишка, стал обезьяну-то дразнить, рожи корчить, она — ему в ответ, он — ещё пуще. Народ смеётся. А случившийся тут старый монах (ярмарка под стенами монастыря устраивалась) покачал головой и сказал: «Хуже ить облизьяны. Она-то — зверь, а ты ж — человек».

— Чего разглядываете! Я вам не обезьяна. Я человек... — гордо Алёшка сказал.

— Чи-а-вик! — повторил за ним молодой индеец.

— Русский я! Алёшка!

— Рустя Ёшка! — ткнул в него пальцем индеец. И, обедев рукой соплеменников, сказал: — Ку-ан, гли-н-кит... — И ещё что-то совсем уже неразборчивое. «Главный» оборвал его жестом. Скомандовал, и все стали собираться: оправлять одежду, запрягать собак...

К Алёшке обратился:

— Рустя Ёшка! — и рукой показал: вставай, мол. Губанов поднялся. А «главный» ткнул в себя пальцем и сказал:

— Чигуак!

— Чигуак! — повторил пленник и, ещё раз указав на себя, сказал: — Алёшка!

«Знакомится — это хорошо...» — подумал.

Чигуак и ещё двое индейцев, прихватив с собой и Алёшку, двинулись вперёд, вдоль речного берега. Остальные поотстали, помогли собакам тащить лосиную тушу.

А вскоре лес стал отступать от берега, и открылся широкий зелёный луг, а за лугом, вдоль берега и по кромке леса, стояли длинные и довольно высокие строения из брёвен; крыши их были покрыты кусками бересты и еловыми лапами.

— Куан, — вытянув руку в направлении селения, сказал Чигуак, обращаясь к Алёшке.

— Куан, — повторил парень. — Деревня, что ли?

Но никто уже не ответил ему.

Алёшка видывал индейские деревни, правда, только издали. И всегда у индейцев, живших поблизости Ново-Архангельска, деревни были обнесены стенами, наподобие крепостных, потому что индейские кланы и целые племена постоянно воевали между собой. Эта была огорожена лёгким заборчиком из жердей, что опять же напомнило Алёшке родные огороды. «Не от кого, значит, стены ставить. Стены-то — это ведь от людей, а огородик — это так, чтобы зверьё из леса в деревню не ходило...»

От деревни побежала в их сторону стайка ребятишек, что-то кричали радостное, махали руками, а потом встали: увидели Алёшку.

Раздался визг, и ребяшня покати́лась обратно в деревню. Индейцы засмеялись. Чигуак ткнул пальцем в Алёшку и указал рукой на убегающих детей.

— Да, напугались, — подтвердил Губанов и попытался улыбнуться.

Солнце уже опускалось за кромку леса. И Алёшке Губанову казалось, что похищение его индейцами произошло давным-давно, что шли они в эту деревню долго-долго, а ведь только сегодня утром он был вместе со своими, русскими. Что-то ждёт его...

Входили в деревню, а навстречу им вышло, наверное, всё племя: женщины, мужчины, дети; влаивали собаки. Все смотрели на Алёшку: кто испуганно, кто любопытно (но, кажется, не было откровенно враждебных взглядов), переговаривались, спрашивали что-то у Чигуака, тот коротко отвечал, но не останавливался, шёл мимо домов. Шёл он гордо, высоко подняв голову, выкрутив колесом грудь. Двое других воинов шли по бокам от Алёшки.

Входы в дома завешаны шкурами; окон мало в длинных бревенчатых стенах, и они маленькие, затянутые пузырями морских животных; сверху крыш — отверстия, через которые выходит дым очагов... Перед каждым домом — деревянный истукан примерно в два человеческих роста: столб, украшенный резьбой, с навершием в виде какого-либо животного или птицы. Алёшка, пока шёл мимо домов, увидел на столбах волка (навершие столба в виде волчьей головы), бобра и даже лягушку.

Насколько Алёшка помнил из рассказов об индейцах и понимал сам, в каждом доме жило семейство (клан), носящее имя того либо иного животного.

Но подошли к дому, не столь длинному, зато более высокому, чем все остальные в деревне. Перед входом в этот дом — столб, полностью такой же, как тот, что видели русские моряки на скалистом берегу океана.

— Тойон, — сказал Чигуак, указывая на дом.

— Чего? Вождь, что ли, ваш тут живёт?

Через вход, закрытый аж тремя шкурами, низкий, так что пришлось согнуться-поклониться («Как и у нас в избах», — опять Алёшка подумал), вошли в дом: Чигуак — первый (он и ружье Алёшкино

нёс), за ним — Алёшка и два воина, которые сейчас держали его под обе руки. Свободные их руки лежали на рукоятках ножей.

Дом — с земляным, чисто выметенным полом, с выгороженными по сторонам помещениями, с очагом посреди центральной комнаты. Рядом с очагом, на невысоком деревянном возвышении, застеленном целой грудой шкур, сидел, подогнув ноги, но очень прямо держа спину и высоко задрав подбородок, человек, — видимо, вождь. Он — в кожаных с бахромой штанах, в кожаной куртке, поверх которой — тканая с искусным узором накидка, поверх неё — ожерелье из ракушек и ещё из когтей какого-то зверя. Скуластое лицо; чёрные, как вороново крыло, волосы расчёсаны на прямой пробор и сплетены на затылке в косу. В левом ухе — медная серьга.

Чигуак положил к его ногам ружьё (вождь лишь мельком глянул) и стал говорить громко и энергично.

Вождь слушал Чигуака, смотрел на Алёшку, но абсолютно не проявлял каких-либо чувств.

Потом коротко сказал что-то и махнул рукой. Чигуак, в свою очередь, махнул воинам, державшим Алёшку под руки, и те поволокли его к выходу.

— Да вы чего делаете-то?! Сам пойду! — возмущался Алёшка.

Его поместили в пустой, безоконный даже дом: пол — земляной, плотно утрамбованный, стены — из толстых брёвен. Крыша — тоже брёвна в накат (более тонкие, чем на стенах), и еловый лапник сверху.

Вход закрыли щитом каким-то и припёрли снаружи колом. «Петь дверь не знают», — заключил Алёшка. У двери — было видно в щель — встали два воина с короткими копьями и ножами.

Соблазн был попробовать сделать подкоп под дальнюю от часовых стену. Но чем? Голыми руками? Да и нога болела всё сильнее.

Алёшка разулся, стянул с больной ноги старую повязку, оторвал полосу от портянки и плотно перевязал щиколотку и стопу. «Похоже, сухожилие растянул. Был бы перелом, не смог бы идти...»

Дверь отставили в сторону, и, низко согнувшись, вошёл индеец — один из тех, что вёл Алёшку в деревню. Только свет факела в руке одного из сторожей освещал помещение. Положил прямо на пол флягу и деревянный поднос, на котором лежал кусок мяса и ещё

что-то. За ним зашёл другой индеец — в длинной накидке, скрывавшей всё туловище, украшенной сложными узорами. Алёшке даже не по себе стало от его вида: крючковатый нос, глубокие морщины, распущенные длинные седые космы, а в разрезе нижней губы вставлена деревяшка... Ещё страшнее и противнее стало, когда понял, что это не старик, а старуха.

Она посмотрела на перевязанную ногу пленника, знаком велела снять повязку, которую Губанов сам сделал. Ощупала ногу внимательными длинными пальцами, коснулась, кажется, каждой жилки и косточки в стопе и щиколотке. При этом боли Алёшка не почувствовал. «Знахарка, — понял Алёшка. — У нас тоже знахарь был. Дед Лука. Лечил тоже... Лечат — это хорошо...»

Старуха достала из-под накидки деревянную коробочку (видно, на поясе где-то крепилась), сняла крышку — запах резкий, неприятный ударил в нос. Там была мазь, которую знахарка стала аккуратно и сильно втирать в больную ногу. Потом сама же и повязку наложила. Ничего не сказав, вышла. Сторожа снова закрыли дверь.

Алёшка только сейчас понял, как он проголодался и устал. (Перекусили сухарями ещё ранним утром, а сейчас-то уже ночь). Вынув затычку, отпил из фляги. Не просто вода была — настой какой-то, сладковатый, вкусный.

Даже не всё мясо съел; растянувшись прямо на земляном полу, уснул.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Гром небесный

Уже третьи сутки пошли, как отряд под командой Рукавишникова двинулся вглубь острова.

Боцман Савелий Пирогов, отец Власий и Егор Головин, оставшиеся в лагере, строго выполняли наказ капитана — непрерывно наблюдали за океаном. (Рукавишников им и подзорную трубу оставил, рассудив, что здесь она нужнее, чем в дремучих лесах). Они сумели сделать то, о чём никто не сообразил сразу: используя поставленную на бок шлюпку и щель в скале над ней, сделав ещё ступень (это оказалось не так уж трудно, камень крошился под ударом молотка слоями), взбирались на скалу прямо над их стоянкой.

Подстелив тёплую одежду, очередной караульщик внимательно глядел в морскую даль, туда, за рифы, за прибрежные скалы, на которых погибла их «Надежда».

Всегда наготове были дрова для большого костра, и даже травы и мха нарвали, чтобы бросить в огонь для более сильного дыма.

По очереди готовили еду, стараясь экономить, но и не голодая. Егор Головин ставил и проверял натянутую парнями леску, так что рыбы у них в избытке было... Он-то, после очередной проверки снасти сменив на наблюдательном посту отца Власия, и увидел без всякой подзорной трубы три длинные лодки, плывшие вдоль берега.

— Байдары колошские! Савелий, колоши плывут! Батюшка, дикие, прямо к нам правят!

— Хватит голосить, Егор! Слезай, давай, быстро! — резко ответил боцман. А когда Егор спустился со скалы, взял у него подзорную трубу. Впрочем, уже и с низкого берега отчетливо были видны три приближавшиеся байдары.

Посмотрев в подзорную трубу, сказал:

— Точно, колоши! Раскрашены, как черти. При луках и копьях. Ружей не видел. К нам правят. Заметили. По два десятка в каждой лодке... Крест заметили-то, отец Власий...

— Ну, и ладно, — добродушно ответил священник. — Всё ж люди! А с людьми и договориться можно...

— Если захотят договариваться, — не разделил его благодушия Савелий Пирогов. — Давайте-ка, братцы, к встрече готовиться. Егор, заряжай ружьё.

Головин зарядил ружьё, боцман — два пистоля.

Отец Власий встал, одернул полы подрясника, поправил на груди только что натёртый до блеска мелким песком наперсный священнический крест. И сказал:

— Поговорю я с ними, а вы мне не мешайте, — и вышел из укрытия, у креста встал, молиться начал.

Савелий и Егор не решились возражать священнику.

А байдары тем временем приближались; было видно, как дружно гребут индейцы. А на передней, на носу, в полный рост поднялся, наверное, вождь их — в кожаной одежде, в большой меховой шапке на голове, с лицом, размазанным жёлтыми и красными полосами.

Индейцы разом опустили короткие вёсла в воду с правого борта, и все три байдары развернулись левыми бортами к берегу и встали на месте, будто ни ветер, ни волна их не несут, только покачивались. Совсем уже близко были... Вождь отряда, стоявший как вкопанный в самой ближней лодке, что-то крикнул, и все дикари издали пронзительный страшный крик.

Отец же Власий вдруг снял свой крест, поднял его высоко над головой и пошёл к воде.

— Убьют же! — выглядывая из-за камня, простонал боцман и стал выцеливать ружьём вождя.

— Подожди, Савелий, повремени, этим сейчас не поможешь, — благоразумно уговаривал Егор Головин.

Священник подошёл к самой кромке берега, волна уже захлестнула его ноги, намочила подол рясы.

— Свет Христов просвещает всех, возлюбленные мои! — пробасил отец Власий.

И тут вождь тлинкитов схватился за глаза: луч солнца, отразившись от сверкающего креста, ослепил его. И в тот же миг с безоблачного синего неба прогремел гром.

Тут и Савелий с Егором струхнули, а в лодках такая паника началась, что они едва не перевернулись.

А отец Власий говорил что-то, и голос его был необыкновенно добрый и громкий. Он уговаривал:

— Не бойтесь же, идите к нам, мы — такие же люди, все мы — дети Божьи, не бойтесь...

Моряки тем временем в себя пришли, увидели и тучи, наплывавшие сзади из-за скал. Правда, ни грома, ни молний больше не было.

Священник же всё увещевал. И снова чудо свершилось: индейцы будто бы поняли уговоры священника, стали грести к острову, потом некоторые из них выпрыгнули из лодок, потащили их к берегу, идя по дну.

— Снасть мне порвут!.. — не к месту ругнулся Егор Головин.

— Да сиди ты со своей снастью-то! — огрызнулся Савелий.

Они по-прежнему сидели за камнями у входа в жилище, и оружие всё ещё было заряженным и направлено в сторону индейцев.

А тем временем вождь индейцев подошёл к отцу Власию, смиренно склонив голову. И священник перекрестил его, и провозгласил: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!» За спиной вождя толпились и остальные индейцы.

— Пошли, что ли, чего тут сидеть-то, — толкнул боцман Егора Головина, и оба вышли из укрытия.

Их поразило лицо священника — сияющее. И при этом слёзы по щекам текли...

Стали знакомиться, пытаться разговаривать, используя те немногие индейские слова, которые знал Савелий, и жесты. Впрочем, это оказалось несложно: уже вскоре байдары лежали на берегу, а перед жилищем моряков, прямо на гальке были, как ковры, раскинuty шкуры, разведён большой костёр, на шкурах лежали еда, фляги с питьём. А индейцы с особым интересом, с восхищением рассматривали нож, который в знак дружбы подарил вождю боцман Савелий Пирогов. Тот в ответ свой нож подарил. Глянул Савелий — рукоятка костяная, искусно сделанная, вся узором покрытая, а лезвие слабое, из совсем плохого металла (как отметил, приглядевшись, Савелий, — у многих колошей ножи и вовсе костяные).

С особым почтением островитяне к священнику относились: усадили на ворох шкур, подносили ему еду, умолкали, лишь только отец Власий рот раскрывал.

— Это они его за Бога почитают, — сделал вывод Егор Головин.

— За шамана, скорее, — Савелий откликнулся. — Да хоть за кого пусть почитают! Ладно, хоть добром всё пока идёт... Ну, чего, бра-

тишка, налить тебе? — обратился к сидевшему рядом и уже изрядно захмелевшему от водки индейцу.

Отец Власий с удовольствием закусывал вяленой лосятиной, попробовал и какие-то листья, квашенные на манер капусты, — не понравились. Заметил, между прочим, что рядом с русскими, в одном кругу, сидят лишь человек десять, видимо, самых знатных индейцев. За этим «знатным» кругом расположился второй круг индейцев, за ними — третий... Те, из второго и третьего кругов, тоже ели, иногда отзывались на слова вождя, сидевшего по правую руку от священника, или ближайших к нему людей одобрительными возгласами. И были ещё несколько, человек пять, которые поддерживали огонь в костре, подносили еду, уносили объедки. Прислуга, в общем.

— Эх, и у вас-то — господа и рабы, — горько сказал захмелевший священник, обращаясь к вождю. (Назвался вождь каким-то совсем уж трудным для русского уха именем, моряки стали называть его Тункат — хотя бы примерно было похоже). — Тункат, ну-ка, кликни мне этих несчастных, пусть-ка они рядом со мной сядут.

Тункат понял, что его просят позвать слуг, крикнул коротко тем, что сзади, во втором круге, сидели. Поднялся один из воинов, крикнул уже слугам.

Сначала один, — тот, что дрова в костёр таскал, — испуганно пошёл к главному кругу, опасливо пробираясь мимо воинов из третьего и второго кругов, — был он, в отличие от них, бос, в задрипанной накидке, без ножа (у всех индейцев, кроме слуг, на поясе или на ремне через плечо висели кожаные ножны).

— Всех, всех сюда, — указал отец Власий и на других слуг.

Так же испуганно подошли и остальные.

— Вот здесь садитесь, — указал места рядом с собой священник, одновременно этим же жестом как бы приказывая индейской знати подвинуться, расширить круг.

— Батюшка, остепенись, у них свои законы, — боцман, сидевший напротив, опасливо сказал, видя ещё, как нахмурились вождь и остальная знать.

— Тут будут сидеть, — во весь голос поп пробасил, указывая ещё раз место слугам. И вождь испуганно закивал. — Ибо сказано: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные...» — И сам стал подавать слугам еду и питьё. Те испуганно брали, но пить и

есть не решались. — Пейте! Ешьте! — отец Власий жестами показал, что и как надо делать. И слуги покорно начали есть и пить.

Савелий, стараясь сгладить неловкость, пытался оживлённо разговаривать с вождём, махал при этом руками, громко и страшно коверкал индейские слова. Вождь отвечал. Один из индейцев особенно заинтересовался ремнями и пороховницей Егора Головина. Тот, поняв, что для индейцев — в диковину всё, что есть у них, охотно показывал ремни, флягу, иголку с ниткой даже достал из-за отворота войлочной шапки. Иголка пошла по кругу и вызвала особое восхищение дикарей.

Словом, общение снова налаживалось.

— Вот, братец ты мой, судьба-то какая! — доверительно положив могучую руку на плечо испуганного индейца, делился горькими воспоминаниями отец Власий. — Был я сельский поп. Потомственный. И отец мой попом был на том же приходе. Всё бы ладно — пришла беда. Чума или язва какая-то — кара Божья! Карантины, брат, понаставили. А рази ж супротив кары Божьей карантины помогут?! Видно, сильно мы нагрешили. Мрёт народец. Я молебны служу... Да ведь — аз грешен есмь!

— Батюшка! — опять окликнул его боцман, но священник лишь махнул на него и снова руку на плечо друга-индейца положил, — тот, бедный, аж пригнулся.

— У меня уж тоже двое ребятишек было... Все примерли: и ребятишки, и матушка моя попадаья... Меня только Господь не прибрал, видно, грехи искупать оставил... За месяц какой-то округа обезлюдела. Что ж делать: мёртвым — Царствие Небесное, а кто остались живы, — тем жить. Стал и я жить бобылем, да вот другая беда привязалась, эта вот злодейка-отрава, — отец Власий флягу с водкой потряхнул, в стопочку свою серебряную, с круговой надписью «Выпить пора. Ура!», налил, другу индейцу в деревянную чашку не забыл капнуть. — Меры-то ни в чем мы не знаем — беда наша. Увещевали меня власти светские и церковные, да всё понапрасну. И услали меня сперва в Иркутский острог, потом уж и вовсе на Камчатку, оттуда сам уже я на Алеутские острова перебрался. А как Ново-Архангельск построили, там служу. Везде служу! Господу нашему!.. — тут он сам себя укоротил, голос понизил. — Так-то вот, брат ты мой, насмотрелся я на вас: и на узкоглазых, и на краснолицых. Доводилось даже чёрных, как головешки, видеть. Слыхивал про таких, чёрных-то, а не верилось. А тут американские китобои

прибились к нам, на Алеутах ещё я был, — а у них там двое чёрных. Негры называются. Наши которые, дак за чертей их приняли... А всё — люди! Все мы — люди! — так басил отец Власий в ухо испуганному индейцу.

Савелий с Егором, тем временем, уже водку-то прибирать начали, да всячески вождю Тункату и ближним его намекать, что пора пирование заканчивать. Тункат, хоть уже покачивался, но соображения не терял. Понял, чего моряки хотят. Дал команду своим собираться, рукой в сторону мыса махнул, на котором тотемный столб стоял.

Научились индейцы уже и слово «русти» говорить. И имена запомнили: Савиели, Еугори, отет Валаса...

Как друзья расставались. Тункат объяснил, что отправляются они завтра поутру на морской промысел, вернуться должны через три дня (где-то неподалеку, как поняли моряки, ещё островок есть, на котором индейцы ночевать будут).

Вскоре байдары уплыли вдоль берега. Савелий и Егор долго у костра сидели, обсуждали случившееся. И не знали они, что лишь две байдары пристали к мысу, где на площадке вокруг племенного тотема вскоре и начался танец-молебен об удачной охоте. Третья же лодка, не замедляясь, обогнув мыс, поплыла вдоль противоположного берега острова, причалила к берегу, и индейцы, выбравшись на берег и вытащив байдару, не задерживаясь, бегом побежали вглубь острова, чтобы предупредить жителей своей и прочих деревень о прибытии на землю племени людей Морского Бобра странных иноземцев, напоминающих Белых Людей Прародителей, один из которых и вовсе похож на Старшего Праотца и может вызывать гром небесный.

... — А ведь не случись того грома среди ясного неба, по-другому бы всё получиться могло, — рассуждал Егор, подбрасывая ветку в костёр.

— Тучка-то была... Да, смотри-ка, растаяла куда-то, один раз и громыхнуло-то, — удивлялся тоже Савелий Пирогов, покуривая свою короткую трубку и ощупывая колкий от щетины подбородок: не успел он сегодня и побриться.

Отец Власий, сняв рясу и рубаху, в одних портках, долго плескался у берега, ладонями, как ковшами, швырял воду в лицо, на волосатую грудь, подмышки, на широченную спину. Потом, протрезвев, облачился, встал у креста на молитву.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Большой совет

После нападения тлинкитов и похищения Алёшки Губанова, успокоившись (Митька Бугаев всё порывался бежать спасать Алёшку), собрались на совет вокруг капитана Ивана Андреевича Рукавишникова. Капитан понимал, что не только Митька Бугаев, ближайший дружок Алёшки, но и другие члены команды могут быть недовольны его, Рукавишникова, действиями: вглубь неизвестной земли потащил, за похищенным Губановым в погоню запретил бежать...

— Думаю так, господа, — обратился он сразу ко всем, — до наступления сумерек будем неторопливо и как можно более тихо, бесшумно двигаться по следам индейцев. Яшка и Иван Тимофеевич впереди по очереди пойдут, следы будут разведывать. — Алеут и охотник кивнули согласно. — Оружие держать всем наготове, но без моей особой команды не стрелять ни в коем случае. Цель наша сейчас — настигнуть похитителей или найти индейскую деревню. Но ежели не успеем до сумерек, встаём лагерем на ночлег. Торопиться будем, но не спеша. Спешкой и другу нашему можем навредить, и себя ещё большей опасности подвергнуть. — Рукавишников обвёл взглядом команду. — Возражения, замечания есть?

Не сразу, но ответил Иван Тимофеевич Ситников:

— Всё добро, всё ладно, господин капитан, спешка в таком деле не нужна.

— Убьют они Алёшку! — выкрикнул Митька Бугаев. — Спасать надо!

— Да кто же против-то! Ясное дело — спасать надо! — оборвал Митьку охотник Ситников.

Остальные промолчали.

— Ну, тогда, с Богом! Иван Тимофеевич, веди! — скомандовал капитан.

Охотник-промысловик ещё раз осмотрел то место, где захватили Алёшку (почти что на нём сейчас и стояли), махнул рукой, увлекая за собой. И все, вытянувшись цепочкой, последовали за следопытом.

Шли медленно, помня, что кроме тех, которые похитили Алёшку, были и другие индейцы, стрелявшие из луков и потом будто растворившиеся.

Следы на траве и мху читались довольно легко. Будто и не скрывались особо-то индейцы. Это и настораживало...

Яшка-алеут, сменивший впереди отряда Ивана Ситникова, остановился и выставил ладонь, останавливая шедших за ним. Николка же Ситников, дружок его, рядом шёл и не сразу встал, шаг сдвинул, только ногу вперед повёл... Щелчок! Яшка обеими руками обхватил Николку, отдёргнул назад, и, не удержавшись, оба упали. Со свистом что-то пролетело над тропой.

— Самострел! — Иван Ситников крикнул, бросаясь к сыну.

— Ложись! Занимай оборону! — капитан скомандовал.

Через несколько минут, убедившись, что нападения не будет, поднялись.

Николка, бледный, сидел, к стволу прислонившись. Яшка искал снаряд, пролетевший над тропой, и вскоре нашел застрявшее в кустах довольно длинное тяжёлое копьё с наконечником, сделанным из двух каменных, зазубренных по краям пластинок, врезанных в дерево.

Иван Ситников нашёл и самострел по другую сторону тропы. На обтёсанном стволе дерева закреплено было устройство наподобие арбалета: при задевании натянутой через тропу жилки отжимался курок, удерживавший мощную, из звериной жилы, тетиву, и выбрасывалось копьё...

— Такие тунгусы в Сибири ставят на зверя, — сказал Ситников.

— Это, значит, они на нас, как на зверей, охотиться будут?! — Митька Бугаев вскинулся.

— А ты как думал? Это мы и должны им доказать, что не звери мы, а люди, — Рукавишников сказал. И, осмотрев товарищей, скомандовал: — Иван Тимофеевич, давай-ка ты — вперёд. Остальным ни вперед, ни назад, ни в сторону без команды не ступать. Николка, ты понял?

— Понял, — откликнулся парень. Он всё ещё был напуган, но уже бодрился, уже они с Яшкой между собой пересмеивались.

— Ну, с Богом...

Когда вышли к речке, уже темнело. Тут решили встать на ночёвку.

Может, эта остановка и спасла их. Отряд из двадцати лучших воинов племени людей Морского Бобра затаился на другом берегу, готовый выпустить стрелы и добить иноземцев копьями и топорами, как только те начнут переходить реку (такой наказ от Верховного вождя был: если перейдут реку, — убить, если не перейдут, — ждать). Потому что так заповедано им предками: не допускать на свою землю чужаков и самим не стремиться к другой, кроме этой завещанной им Старшим Праотцем земли Спящего Кита. Ибо остров их — и не земля вовсе, а уснувший посреди океана кит. А потому они, Люди Морского Бобра, понимают, что калан, морской бобёр — это и одежда, и тепло, и жир. То, без чего невозможна жизнь племени.

Увидев, что чужаки разбивают лагерь, выставляют охрану, готовят пищу, индейцы под командой Чигуака, великого охотника и воина, того самого, который захватил в плен «Рустя Ёшку», решили дожидаться ночи и ближе к утру, когда сон — самый глубокий, напасть на чужаков, если будет на то воля большого совета и Верховного вождя. Одного из воинов Чигуак сразу же отправил в деревню — сообщить, что чужеземцы остановились.

...Тем временем посланники предводителя морских охотников Тунката достигли родной деревни и рассказали вождю клана Белой Чайки Сауику о прибывших на землю Спящего Кита людях, среди которых есть тот, кто похож на Старшего Праотца. В это же время прибыл к Сауику другой гонец — от Верховного вождя, призывавшего на большой совет племени. Этот же гонец рассказал о захваченном чужеземце и об отряде чужеземцев, продвигающемся вглубь острова.

Сообщения эти взволновали Сауика. Не мешкая, он приказал спустать на воду байдару, в которую сел сам, взял с собой шамана и двоих воинов-гребцов.

Сауик давно был недоволен тем, как Иыгыльнак, Верховный вождь людей Морского Бобра, правит населением острова. И сейчас он думал о том, что на большом совете, где соберутся представители всех селений, старейшины всех кланов, он спросит: «Не знак ли нам от праотцев — появление чужеземцев? Не пора ли вернуться нам к старым обрядам? Не прогневались ли праотцы на людей Морского Бобра? Не нарушает ли Иыгыльнак волю праотцев, запретив великую жертву? Не пора ли выбрать другого Верховного вождя?»

Так думал Сауик, сидя на корме лодки в полном облачении вождя клана Белой Чайки: на округлой его меховой шапке — голова чайки с раскрытым клювом и бело-серые крылья. Байдара быстро скользит вниз по течению. Но уже с тревогой всматриваются индейцы в родные берега, ведь и там могут быть неведомые чужеземцы...

Уже ночью (в то самое время, когда Алёшку Губанова посадили в темницу) Сауик со своими людьми прибыл в главное селение острова.

В большом доме Иыгыльнака, в свете костра, собрался большой совет племени. Вожди всех кланов (деревень) сидели единым кругом. На земляном возвышении, устеленном шкурами в несколько рядов, сидел сам Иыгыльнак в парадном облачении: на ногах — расшитые бисером кожаные, на мягкой подошве, короткие сапожки; штаны из мягкой кожи; поверх кожаной куртки — тканая широкая накидка с меховой, из беличьих шкурок, оторочкой, расшитая узорами; на голове — меховая шапка со свисающими по бокам лисьими хвостами; поверх же самой шапки ещё укреплена выделанная голова морского бобра (калана). Голова вождя от этого кажется огромной. И весь он — большой, а накидка делает его ещё шире. Лицо — непроницаемо спокойное, будто каменное.

Шаманы всех деревень уже совершили совместное «хождение к верхним людям». И теперь говорил верховный шаман:

— Предки молчат, Старший Праотец не даёт знака.

— Что это может значить? — едва размыкая губы, спрашивает Иыгыльнак.

Шаманы молчат.

— Пусть скажет тот, кто видел похожего на Старшего Праотца, — предложил вождь рода Ворона. Верховный вождь величественно кивнул, и гонец, присланный от морских охотников, подробно рассказал о встрече с чужеземцами. О таинственном огромном человеке в длинной чёрной одежде, вызывающем гром и любящем всех — и знатных, и слуг.

Тут вспомнили, что, когда схватили чужеземца, который сейчас содержится под охраной и который назвался Рустя Ёшка, будто бы вдогонку воинам громыхнул гром.

— Вожди! — взял слово Сауик. — Не тревожный ли знак это всем нам? Не наказать ли нас посланы эти люди? Много лет не приносили мы большую жертву...

— Я хочу видеть Рустя Ёшка, — едва размыкая твёрдые губы, сказал Иыгыльнак, не дав договорить Сауику.

— Мы хотим его видеть! — подтвердили вожди и шаманы. Сауик умолк, но скулы его закаменели, а в глазах затаилась злоба.

Двое молодых воинов отправились за пленником.

Алёшка после ухода знахарки уснул, но потом вдруг проснулся от шума за стенами, в деревне (то прибывали на большой совет племени вожди и шаманы). И уже не спалось. Нога почти не болела: видимо, подействовала индейская мазь. И всё равно не спалось, думалось всякое.

Отсветы костра, разложенного неподалёку часовыми, едва пробивались в щель у выхода. При этом неверном свете Алёшка исследовал свою темницу. Пол был земляной, плотно утрамбованный, без чего-либо острого не подкопаешься под стену (нож-то у него сразу забрали). Стены — из плотно пригнанных еловых стволов, высокие, так что и к крыше, кажется, не слишком прочной, не долезешь.

Алёшка снова лежал: то мечтал, как спасут его товарищи, то думал, как вести себя с индейцами (наверняка же, вождь их захочет с ним говорить): грозить ли им или же искать дружбы?

Только-только забылся сном, трясут за плечо. Два воина с факелами в руках склонились над ним.

— Поспать-то хоть дали бы! — заворчал Алёшка, поднимаясь. Ему помогли подняться, повели под руки.

— Да отстаньте вы, сам пойду, — попытался высвободить руки Алёшка, но держали его крепко.

Привели в большой дом.

Алёшка стоял посреди круга вождей и шаманов. А те, не двигаясь, рассматривали его да передавали по кругу принесённые сюда же его вещи: нож, пороховницу (один даже на язык попробовал порох и тут же сплюнул), коробочку с нитками, иглкой и пуговицами... Особый же интерес ружьё вызывало. И опять — по тому, как они рассматривали ружьё, было видно, что они не понимают, что это.

Знаками стали просить, чтобы объяснил. Что оставалось делать? Алёшка взял ружьё, попросил ещё сумку со снаряжёнными патронами (патрон — гильза с пороховым зарядом и пулей). Поставил курок ружья на предохранительный взвод; оторвал зубами донце гильзы так, чтобы не рассыпать порох и не замочить его слюной; отсыпал из гильзы немного пороха на желобок ружейной полки; зажал патрон двумя пальцами; закрыл полку; поставил ружьё прикладом на землю и всыпал остальной порох в ствол; вставил в ствол пулю, поверх неё — бумажный пыж; шомполом дослал пулю к пороху; вставил шомпол на место, под дуло ружья; взвёл курок на боевой взвод.

Индейцы с интересом наблюдали за его действиями. А у Алёшки ружьё было к бою готово! И сумка с патронами при нём. «Если сейчас бабахнуть вверх, — пока они от грохота очухаются, можно уже выбежать, в темноте за кустом каким и перезарядить успею, ещё раз бабахну... Можно уйти...» Такая мысль в голове Алёшки Губанова закрутилась.

Да откинул он её. Показал рукой, что надо бы на улицу выйти.

Его вывели стражники. За ними вышли вожди и шаманы, в рядок стали, на Рустя Ёшку смотрят.

Светало уже, солнце поднималось из-за леса, подёргивало всё розовой дымкой: небо, деревья, травы... Над рекой и прибрежным лугом мягко клубился туман.

Алёшка осмотрелся и увидел сидевшую на недалёком дереве обычную серую ворону. Он указал рукой на неё, и когда все повернули туда головы, грохнул выстрел! Кто-то присел, кто-то упал, кто-то испуганно юркнул в дом. Вот сейчас бы и бежать, нырнуть в туман, добраться до леса и — навстречу своим... Не побегал Алёшка, стоял, не двигаясь, даже когда очухавшиеся охранники с обнажёнными длинными ножами к нему кинулись. Они бы и убили его, но их остановил голос Верховного вождя Иыгыльнака.

А один из индейцев нёс к вождям и шаманам убитую Алёшкой ворону и в другой руке опасно — ружьё.

Алёшку под охраной увели в его тюрьму, а вожди снова вернулись в помещение для совета.

Вождь клана Белой Чайки Сауик, как и все, сначала напуганный выстрелом, думал, как использовать в свою пользу (для захвата вла-

сти на острове) появление могучих пришельцев. То, что пришельцы обладают страшным, не знакомым людям Морского Бобра оружием, все только что убедились. Сауик, отодвинувшись к стене, дёрнул за рукав шамана своего клана и что-то прошептал ему на ухо. Тот кивнул.

По очереди выступали шаманы и вожди. Кое-кто выступал за мирные переговоры с пришельцами, а для этого предлагал выпустить даже Рустя Ёшку, чтобы объяснил своим соплеменникам, что люди племени Морского Бобра воевать не собираются. Другие говорили, что Ёшку ни в коем случае отпускать нельзя и что переговоры надо вести с позиции силы, угрожая, если что, убийством заложника.

Поднялся шаман клана Белой Чайки, старый Боольгон:

— Люди с палками, делающими гром, сделают нас рабами. За наши грехи, за то, что по указанию Иыгыльнака уже тридцать лет и зим не приносится большая жертва. Надо выбрать нового Верховного вождя. Надо убить Рустя Ёшка, принести его в великую жертву Праотцам, и тогда Старший Праотец даст тлинкитам силы и разумение, чтобы победить остальных пришельцев!

— Но среди них есть тот, кто похож на Старшего Праотца... — слышалось возражение.

— Никто не может видеть Старшего Праотца. Это демоны моря явились на нашу землю, на спину Спящего Кита, — зло отвечал шаман Боольгон.

Верховный вождь Иыгыльнак сразу понял, к чему идёт дело. Он знал, что Сауик ненавидит его и мечтает о верховной власти. Всё это началось ещё тридцать зим и лет назад, когда неожиданно умер старый Верховный вождь, не успев назвать наследника. Тогда, по обычаю, обратились с мольбой к Праотцам — указать нового Верховного вождя. Праотцы через главного шамана указали на Иыгыльнака. Сауик, уже видевший себя в мечтах Верховным вождём, так и остался лишь вождём своего клана.

— Если так говорят твои духи, пусть дадут знак, — оборвал Иыгыльнак шамана. — Рустя Ёшка мог бы поразить любого из нас из своего оружия, но поразил лишь ворону. Тем он доказал, что дружен нам! Большая жертва отменена — все старики помнят об этом — по велению Старшего Праотца, переданному через главного шамана. Только замена большой жертвы жертвами животных оставила моровое поветрие и спасла наш народ от гибели... — гово-

рил Верховный вождь. И вдруг он поднялся и крикнул: — Взять их!

Тут же от входа кинулись воины с ножами, схватили шамана Бо-ольгона... Сауика не было, он будто растворился, успел как-то вы-браться из дома.

Если и были те, кто тайно сочувствовал Сауику и мечтал о сверже-нии Иыгыльнака, то сейчас они молчали. Так был подавлен едва не начавшийся мятеж.

На что рассчитывал Сауик? Он знал, что поднять население остро-ва против нынешнего Верховного вождя может лишь какое-то важ-ное и опасное для островитян событие. Ну, например, война с при-шельцами... И именно он, Сауик, должен возглавить сопротивление пришельцам. И тогда власть его будет непоколебима.

Он уходил в темноту, в лес, в сопровождении своего слуги, оста-вив байдару на берегу. Новый коварный план уже созрел в его голо-ве. Теперь нужно было найти лагерь пришельцев и тот отряд гли-нокитов, что наблюдает за пришельцами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

С миром и дружбой

Переночевали моряки спокойно и поутру снова двинулись в путь. Перешли вброд неглубокую речку.

Иван Ситников подозвал капитана.

— Иван Андреевич, похоже, колоши тут стояли, и много, может, больше десятка, вон, сколько следов. Так что всю ночь мы под наблюдением были.

— Да. Но ведь не напали. Это уже хорошо.

Отряд двинулся дальше. Рукавишников отметил, что еловый лес здесь сменился кедровником. Часто попадались и ягодники. Николка набирал в горсть то чернику, то бруснику и бросал в рот. Не отставал от него и дружок Яшка.

Семён Капустин, старый моряк, спокойный и самый незаметный в отряде, замыкавший шествие, уж прикрикнул на них:

— Уймись! Что вы, как дети-то малые, сказано же — с тропы не сходить.

— Дети и есть, — недовольно Митька Бугаев проворчал. — Ну-ка, не отставать, — прикрикнул на подростков.

— Не шумим, — строго сказал тут капитан, шедший за Иваном Ситниковым.

Яшка первым услышал этот гул. Вскоре и все услышали. Стало различимо, что это сливающиеся в гул удары в бубны и резкие сухие щелчки на манер русских барабанок, с которыми пастухи ходят.

— Похоже, войной пошли на нас! Занимайте, братцы, оборону, не стрелять без команды моей. Если же не смогу команду дать, сами глядите... — Рукавишников принял для себя решение.

— Почему же не сможешь командовать-то, Иван Андреевич? — старший Ситников спросил.

Капитан посмотрел ему в глаза, и охотник всё понял, кивнул.

— Вы не объявляйтесь только раньше времени. А я попробую переговорить с ними.

Иван Ситников снова кивнул. Моряки стали располагаться за деревьями, кочками, готовить оружие. Тут тропа будто бы на полянку выбегала, на её краю и залегли. Индейцы должны были с другой стороны поляны выйти.

Ритмичный гром приближался. Иван Андреевич Рукавишников вышел из укрытия, но перед тем достал из кармана заветный медальон: мысленно, на всякий случай, с родными попрощался.

Гром прекратился. И вдруг все услышали крик. Нет, не боевой клич колошей.

— Эй! Не стреляйте!.. Эй!..

— А ведь это же Алёшка Губанов! — первым узнал друга по голосу Митька Бугаев.

— Тихо! — предостерегающе поднял руку капитан. Все напряжённо вслушивались.

— Эй! Я это! Иван Андреевич, я это, Алёшка. Митька! Это я! Не стреляйте! С миром идут! С миром идут!..

— Слава Богу! — облегчённо выдохнул капитан. — Спокойно, ребята... — договорить не успел.

— Алёшка! Мы тут! Тута мы! — Митька не выдержал, откликнулся другу.

Семён Капустин локтем в бок его ткнул:

— Что ты вперёд батьки-то всё, Митька! Слушай, что капитан говорит.

Снова уже совсем близко загрели барабаны, и на поляну вышел живой и здоровый Алёшка Губанов. Даже ружьё при нём было. А за спиной его стояли индейцы и всё выходили и выходили из леса: у нескольких на шеях, на широких ремнях барабаны висели, а у двоих, точно будто из рязанской или вологодской деревни, — барабаны (гладкие доски на ремнях, по которым деревянными же палочками и стучали).

Рукавишников поправил фуражку, одёрнул мундир и пошёл навстречу им, стараясь не показывать волнения. За его спиной поднялись из укрытий, не ожидая уже команду, остальные моряки.

Капитан обнялся с Алёшкой, а шагнувшему в его сторону тлинкиту сказал торжественно:

— Лейтенант русского флота, капитан шхуны «Надежда» Рукавишников.

— Чигуак! — положив ладонь правой руки на грудь, представился индеец.

И вдруг из-за спин индейцев, из леса, со свистом вылетела стрела.

Успел Чигуак, обхватил капитана, закрыл собой. И медленно стал опускаться на землю. Будто на колени перед капитаном опустился. Оперенная стрела глубоко вошла ему между лопаток.

В погоню, после нескольких секунд замешательства, кинулись и индейцы, и русские.

Грохнул выстрел. Алёшка Губанов был меток.

В убитом индейцы узнали слугу Сауика.

— Не все тут нашей дружбы хотя, — сказал Рукавишников.

— Верно! В тебя бы, Иван Андреич, попала стрела, мы бы их тут всех из ружей и положили. Какой уж мир, — согласился Иван Ситников.

Возвращались в деревню, неся на индейских плащах двух убитых.

Алёшка по дороге рассказывал морякам свои приключения.

Вскоре Верховный вождь племени людей Морского Бобра Иыгыльнак принимал русских в доме для собраний.

Капитан Рукавишников, поведя рукой на свою команду, сказал:

— Мы — русские моряки.

«Рустя, рустя...» — запереговаривались вожди и старейшины.

— Мы — подданные Российской империи, — продолжал капитан. — Здесь оказались вследствие кораблекрушения. Мы пришли с миром и предлагаем вам свою дружбу! — И, давно зная обычай береговых тлинкитов-колошей обмениваться в знак дружбы ножами, по-индейски называемых чиханатами, снял с пояса ножны с ножом и протянул вождю (свой морской кортик он заблаговременно спрятал в сундучке, который нёс в вещевом мешке Семён Капустин).

Иыгыльнак торжественно принял дар. И снял ножны, висевшие на шее, с длинным ножом в них, передал Рукавишникову.

Так люди Морского Бобра и русские стали союзниками и друзьями.

Великого охотника и воина Чигуака, по обычаю, хоронили в тот же день. А вернее, ночь. С вечера разложили посреди деревни большой костёр.

«Неужели сжигать будут?.. Вот же дикари»; «У каждого народа — свой обычай»; «Истинной веры они не знают!»; «Да кто бы их истинной вере научил-то?». Так переговаривались между собой русские моряки, обживая выделенный им дом.

Костёр вспыхнул, озаряя деревню. Под вопли шаманов, вой женщин, гром бубнов и барабанов погибшего положили в небольшую байдару, туда же положили всё необходимое для «небесной охоты» и встречи с праотцами... Байдару подняли на плечи молодые воины и понесли за деревню. Другие воины шли с факелами в руках. На лесной поляне байдару, накрыв перед тем медвежьей шкурой, опустили в яму и закопали, насыпали сверху холм. Всё это видели увязавшиеся за похоронной процессией Алёшка Губанов и Митька Бугаев.

И всю ночь в деревне горел огромный костёр, и звучали долгие протяжные песни.

А на следующий день большой отряд воинов отправился в деревню клана Белой Чайки, чтобы захватить сбежавшего Сауика. Опасались, что он поднимет воинов своего клана на войну. Но когда приблизились к деревне, — поняли, что войны не будет.

Новый вождь клана рассказал: Сауик, явившись вчера в деревню, заявил, что его призвали праотцы, загрузил в байдару провизию, воду, оружие, спустился по ручью к недалёкому противоположному берегу острова и уплыл на восход солнца, в сторону той земли, которую покинули когда-то предки людей Морского Бобра.

Больше никто никогда не видел Сауика из клана Белой Чайки...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
Судовой журнал

Некоторое время спустя капитан погибшего судна «Надежда» Иван Андреевич Рукавишников при свете костра, потрескивавшего посреди отведённого русским дома, писал в судовом журнале: «...октября пятнадцатого дня 18... года мой отряд встретился с мирными индейцами. К миру же сподвигнул их оказавшийся ранее в их руках солдат Ново-Архангельского гарнизона, находящийся под временной моей командой, Алексей Губанов.

Уже пятый день находимся мы в деревне, где располагается и резиденция вождя племени Иыгыльнака. Всего в деревне живут человек до трёхсот. Деревень же на острове — семь.

Вождь одной из деревень старался настроить индейцев против нас, но не смог. Не поддержал его даже его собственный клан.

Третьего дня прибыли в деревню товарищи наши, остававшиеся на берегу острова, в месте нашего спасения. Спустить на воду шлюпку и провести её вдоль берега и по реке до деревни помогли индейцы, отправившиеся ранее на морской промысел.

Отмечаю, что особым уважением, а скорее, даже религиозным почитанием, пользуется среди аборигенов наш корабельный священник отец Власий, признаваемый ими едва ли не за живое воплощение какого-то верховного их божества.

Судя по обычаям и языку, напоминающему язык материковых колошей, племя это родственно с тлинкитами (они же и колоши). Однако же отсутствует у местных жителей сам обычай, по которому тлинкитов колошами и назвали, — закрепление в нижней губе женщин специальной палочки («коложки»), сильно губу оттягивающей...»

Тут Рукавишников в записях остановился, задумался, усмехнулся и дописал: «Что губу их девки не оттягивают, особенно, кажется, нравится молодым нашим морякам — Алёшке Губанову и Митьке Бугаеву».

На этом и закончил пока. Событий столько за последние десять дней совершилось, впечатлений столько накопилось, что все сразу и не упомнишь, а, вспомнив, не сразу толково и запишешь.

...Итак, русским выделили отдельный, стоящий на окраине дом, — такой же, как и все в деревне, но до этого почему-то пустовавший: сложенный из брёвен, длинный, в два средних человеческих роста высотой, с редкими крохотными оконцами, с земляным полом, оча-

гом и дырой в крыше для выхода дыма. Дымовая дыра эта закрывалась в случае непогоды деревянным щитом, лежавшим на крыше. На этот случай снаружи у стены дома всегда стояла лёгкая лестница.

А дожди начались, третий день с редкими перерывами моросит. Это особенно беспокоит капитана. Если сезон непогоды и штормов начинается в этом районе несколько ранее, чем у берегов Аляски, — сидеть им тут до весны.

Опасения его вскоре подтвердились. Индейцы говорили, что настал запретный для выхода в море срок (экспедиция морских охотников была последней до весны). В это время, мол, злые духи моря пытаются разбудить Большого Кита, на спине которого и живут индейцы, и поглощают злые духи всякого, кто решится выйти в море.

На общем совете мнения моряков разделились. Капитан по очереди спрашивал каждого. Более опытные, старшие, в большинстве своём высказались за зимовку на острове. Правда, и среди старых и опытных нашёлся человек, ратовавший за то, чтобы как можно быстрее попробовать выбраться с острова. Это был боцман Савелий Пирогов — к тому же, пожалуй, самый влиятельный человек после капитана.

— Шлюпка у нас на ходу, шторма ещё не начались, так что, не мешкая, надо выбираться. До материка не так уж и далеко... Достигнем его, и вдоль берега будем к Ново-Архангельску двигаться.

— Как раз навстречу штормам, — возразил Иван Ситников.

— Тогда к Русскому форту в Калифорнию, куда и плыли.

— Сколько тут еще до Калифорнии, куда там на шлюпке-то? — опять Ситников возразил.

Алёшка Губанов и Митька Бугаев, несмотря даже на понравившихся им местных девушек, горячо Савелия поддержали.

Семён Капустин и Егор Головин сурово молчали.

После настоятельной просьбы Егор глухим голосом (из-за густой бороды казалось, что он даже и рот не открывает) проговорил:

— Мы — что... Капитан на то есть... Наше дело служивое...

А Семён Капустин всё же добавил:

— Думается, что перезимовать-то спокойнее будет.

Николка Ситников, когда и у него мнение спросили, зарделся, как девушка, сказал:

— Я — как батя...

Чем и вызвал нескрываемое удовольствие отца, который аж кашлянул, будто бы поперхнулся, а губы в улыбку потянулись, и вдруг, как у сына, уши покраснели...

Яшка-алеут вдруг перестал понимать русскую речь и только лыбился в ответ, когда капитан и его мнение спросил.

Отец Власий высказался не вполне определённо:

— Как Бог даст, пару дней нам хоть как на сборы надо. Ежели за эти дни буря не начнётся, — отплывать. Ну, а начнётся — зимовать.

— Так тому и быть, — подвёл итог совету капитан Рукавишников. — Поутру сборы начинаем.

Однако же спустя два дня Иван Андреевич писал в судовом журнале:

«Судьбе и Богу было угодно, чтобы мы остались на острове. На следующий день после общего совета команды пришло осеннее ненастье, и в море установилась штормовая погода. Однако же, хотя и склонялся я внутренне к отплытию с острова, в этом положении вижу и свои преимущества. Шлюпка наша требует все же серьёзной подготовки, самое же необходимое для длительного плавания — настелить палубу. Также нужно установить надёжную мачту и изготовить послушный в использовании парус и снасти.

По уговору с индейцами начали уже заготовку леса для палубы. Несколько сосен, пригодных для этого, указали нам по приказу вождя, они срублены и доставлены в селение. (Кедры же у местных жителей почитаются священными деревьями и не рубятся ни при каких условиях). Приступили к распиливанию их на доски, которые предстоит ещё и просушить. Благо, дом нам выделен большой — тут и просушим. Шлюпка наша вытащена на берег близ деревни, и над ней также строится временный балаган для защиты от непогоды.

Интересно изучить образ жизни и предания местных тлинкитов, которые значительно отличаются от обычаев и преданий береговых племён, из-за долгого уединённого жития их на этом острове.

С помощью переводчика Яшки Петрова (алеута по происхождению) и уже образовавшихся некоторых знаний местного наречия,

мне удалось записать легенду о происхождении племени. Вот она.

«На высочайшей вершине, которая стоит на небе, живет Старший Праотец всех людей. На другой вершине жила его возлюбленная. От их любви появилось всё, что есть в этом мире.

Однажды Старший Праотец узнал, что его возлюбленная занемогла. Он призвал орлана-белохвоста, в огромную корзину уложил еду и воду и отправил орлана к возлюбленной. В корзине же оказалась дыра, и пока орлан летел к вершине, на которой жила возлюбленная Старшего Праотца, всё, что было в корзине, поочерёдно выпадало: выпала и разбилась фляга с водой — так появились моря, озёра и реки; выпали лепёшки — так появилась суша, большая и малая (видимо, материки и острова); выпали орехи — и стали горами; выпали целебные травы — и стали деревьями, кустами и травами земными; выпал кусок мяса — и дал начало всем земным животным...

Узнав, что орлан не донёс посланное им возлюбленной, Старший Праотец сам явился к ней. И тогда от их любви родились двенадцать детей, каждый из которых стал родоначальником своего племени. И жили все племена мирно и дружно на большой земле. Всем хватало зверя в лесах, а рыбы — в реках. Но извечные враги Старшего Праотца научили людей рассуждать: «Это — моё, а это — моё». И не стало хватать людям зверя в лесах, а рыбы — в реках. И появилась вражда, и пролилась кровь человека от руки человека.

Тогда предки людей Морского Бобра ушли на край земли и поселились у бескрайнего моря. И жили мирно и счастливо долгие годы, вознося благодарения Старшему Праотцу и охотясь на морского зверя и ловя рыбу.

Но явились люди из племени Лосося и племени Рыси, и других племён. И вновь пролилась кровь человеческая. И стали предки молить Старшего Праотца даровать им другую землю. И явился Он предкам и повелел делать большие лодки и плыть прямо в бескрайнее море на закат солнца. И послал слуг своих, которые научили людей делать большие лодки. И предки людей Морского Бобра исполнили волю Старшего Праотца: каждая семья сделала большую лодку. Погрузив в лодки домашний скарб, люди поплыли в бескрайнее море на закат солнца.

Злые духи моря наслали на них бурю. И множество лодок перевернулось, а люди погибли. Тридцать лодок отплывали от берега, семь лодок вышли из бури.

На седьмой день плавания из глубины моря поднялся фонтан, достигавший неба, и всплыл огромный Кит и замер. И был голос Старшего Праотца: «Отныне это ваша земля».

И люди Морского Бобра пристали к берегу, построили семь деревень и стали жить, вознося хвалы Старшему Праотцу и всем праотцам и священным животным — Морскому Бобру и Великому Кита. А большие лодки по велению Старшего Праотца сожгли, чтобы никто не сказал: «Сядем в большие лодки и поплывём искать другую землю». Ибо только эту землю даровал им Старший Праотец.

И завещали нам праотцы жить, не допуская на новую землю других людей, ибо тогда вновь скажут: «Это — моё, а это — моё», и не хватит на земле и в море зверя и рыбы. Но ожидать пришествия Старшего Праотца и его верных слуг, ибо принесут они людям Морского Бобра новые знания и новую жизнь, как это уже бывало...»

Индейцы и русские привыкали друг к другу, узнавали язык, общались... Капитан Рукавишников старался как можно больше узнать об истории и обычаях этого племени. Всё в судовой журнал записывал...

«Говорят, что ещё до недавнего времени среди людей Морского Бобра существовал обычай человеческого жертвоприношения. Будто бы в память о том, как духи моря «забрали» большую часть племени при переселении с материка. С тех пор при любых опасностях (например, моровом поветрии или грозящем голодом «неурожае» на зверя) принято было приносить жертву...»

Обо всём этом я с возможной осторожностью выспрашивал у Верховного вождя, у других индейцев.

Так вот, в жертву (наивно «обманывая» духов) приносили самых «плохих» членов общества: в чём-то провинившихся перед племенем (например, уличённых в краже), или беспомощных стариков, или же смертельно больных. Каким же образом совершалось это ужасное действие, я не знаю. Да и знать не хочу.

Столь отвратительно это было, что сами индейцы понимали это, но боялись выступить против сложившейся традиции, поддерживавшейся шаманами и вождями.

И лишь Иыгыльнак, став Верховным вождём тридцать лет назад, заручившись поддержкой главного шамана, отменил страшный обычай».

Постепенно узнавалось, что хозяйственная жизнь индейцев племени Морского Бобра не ограничивалась охотой и рыбалкой: били они кедровую шишку, заготавливали в больших количествах ягоды, занимались и огородничеством: выращивали на грядках близ деревни чеснок, бобы, растения, похожие на репу и морковь. Женщины делали из крапивного волокна ткань. Была даже где-то отдельно в лесу пасека, с которой в деревню приносили кувшины и промазанные глиной корзины с мёдом — главным лакомством. Умели добывать болотную руду, из которой и выплавляли очень плохого качества металл. Кузня, как и пасека, была в стороне от деревни. Кузнец и пасечник почитались как великие шаманы.

С установлением сезона дождей и штормов старик-пасечник Оогон вернулся в деревню. Каждый вечер у костра в его доме собирались все, кто мог: дети, свободная от работы молодёжь, бывали и взрослые охотники... Старый Оогон рассказывал мифы, его слушали, затаив дыхание.

Капитан Рукавишников бывал на этих вечерах, слушал, с трудом что-то понимал (сажал рядом с собой Яшку-алеута и тут же требовал переводить непонятные слова); на следующий день записывал услышанное; почти каждый раз приходилось ещё раз идти за пояснениями к Оогону. Старик жил в небольшом доме, ему прислуживала девушка — то ли внучка, то ли служанка. Он был рад вниманию «русти». Радужно встречал в своём доме, угощал сотовым мёдом, терпеливо повторял рассказанное вечером, объяснял значение слов, рассказывал и другие легенды и сказки...

Уже через месяц капитан Рукавишников не только понимал, но и неплохо говорил на языке людей Морского Бобра.

В судовом журнале, давно уже превратившемся в личный дневник, а постепенно — и в собрание индейских мифов и сказок, он писал:

«Мифы и легенды местных индейцев передаются изустно из века в век. В них — и представление о мире, и житейский опыт. Вот ещё некоторые записанные от старика-пасечника Оогона.

Про огонь

Наши отцы рассказывают, что в далёкие времена люди не умели пользоваться огнём. Да и не особенно нуждались в нём, потому что жили в тёплых краях, на большой земле. Мясо ели сырым или сушили на солнце.

Когда же переселились люди на спину Спящего Кита, узнали, что такое зима с её бурями и холодными дождями.

Но наступили холодные времена, и стали люди из стволов деревьев строить жилища. Однажды к деревне прилетел дятел и сказал: «Скоро станет ещё холоднее, и вам понадобится огонь». «А что такое — огонь?» «Видите красную шапочку на моей голове? Вот такой и огонь. Огонь даст вам горячую пищу и обогреет дома. Завтра я прилечу к вам снова. Пусть в руках каждого будут пучки смолистых веток. Но предупреждаю: огонь достанется только самому терпеливому и выносливому. Я полечу, а вы, не отставая, должны будете бежать за мной. Согласны?» «Согласны! Согласны!» — закричали все. Наутро дятел прилетел снова. Люди с нетерпением ждали его. «Выслушайте еще одно условие, — сказал дятел. — Огонь получит лишь тот, кто никогда никому не отказывал в помощи, кто во всей своей жизни совершал только добрые дела. Среди вас есть такие?» «Конечно, есть!» — ответили люди. «Тогда следуйте за мной!» И дятел полетел. За ним бежали и стар, и млад, и женщины, и мужчины. В стойбище остались только самые немощные. Люди карабкались по скалам, одолевали болота и реки, продирались сквозь лесную чащу. Некоторые не выдерживали: «Зачем нам огонь? — говорили они. — Обойдемся без огня!» И поворачивали назад. В конце концов, за дятлом продолжал бежать только один человек. «Это хорошо, что все повернули, — думал он. — Я единственный буду хозяином огня... Наконец, и последний не выдержал. «Послушай, дятел, — обратился он к птице. — Вот уже целый час я бегу за тобой. Не пора ли дать огонь? Я никогда не делал ничего дурного. Я оказался самым выносливым...» «Всё это верно, — отозвался дятел. — Но огня ты не получишь. Потому что заботишься только о себе». Вернулся дятел в деревню, подлетел к дому, в котором оставалась молодая женщина, и спросил: «Почему ты не последовала за всеми?» «Я не могла оставить больного отца. Я должна была его кормить и ухаживать за ним». «А где твои ветки?» — спросила птица. «У меня только одна ветка, я не могла собрать больше». Дятел сел на сосновую ветку, клюнул её клювом, и с головы его на ветку упало пламя и осветило жилище. «Я думаю, — сказал дятел, — тебе можно доверить огонь». Скоро люди вернулись в деревню и были немало удивлены, увидев возле одного из домов костёр. Молодая женщина щедро поделилась с ними огнём и рассказала, что огонь ей доверил дятел. Так в далекие времена огонь пришёл к племени людей Морского Бобра.

Про лосей

В далекие времена многие лесные звери охотились на людей. Как-то раз один воин отправился путешествовать и повстречал лося. Индеец накинул на себя шкуру медведя и спросил лося: «Куда ты, брат мой?» «Охочусь на людей, — ответил лось. — Ты, брат-медведь, не видел ли поблизости человека?» «Видел, — ответил человек в шкуре медведя, — вон там». Лось побежал искать, а человек набрал мешок диких яблок, взвалил мешок на спину и отправился дальше. Вскоре он снова повстречал лося, но не успел накинуть шкуру медведя. Лось настиг его и ухватился за мешок с яблоками. Дикае яблоки оказались до того кислыми, что лось тут же выпустил «добычу» и еще долго тряс головой и отплевывался, пытаясь прийти в себя. С той поры все лоси, помня вкус диких яблок, держатся подальше от человека.

Ещё старый Оогон рассказывал...

Как появились собаки

Однажды два рыбака плыли домой к берегу, когда налетел сильный ветер и унёс их в открытое море и долго носил там. Но, наконец, они достигли берега вдалеке от селений. Там они увидели следы какого-то огромного существа. Рыбаки очень испугались. Они затащили свою лодку в лес, перевернули её и спрятались под ней. Пока они лежали, дрожа от страха, и думали, что же делать, послышался треск, и они почувствовали, как задрожала земля. Выглянув из-под лодки, они увидели огромную стрелу, воткнувшуюся в землю недалеко от них. И громкий голос сказал: «Не бойтесь. Я великан. Я не причиню вам вреда». Рыбаки выползли из-под лодки. Перед их глазами стоял великан, и на поясе у него висел лось. Рыбаки догадались, что великан был на охоте.

Великан оказался добрым, и рыбаки согласились пойти к нему домой. Великан подхватил их, положил в свой мешок. Придя домой, великан вынул людей, предупредив, чтобы они сидели тихо. Вскоре они услышали, что кто-то вошёл в дом, и спрятались.

«Здесь есть люди, — прорычал пришелец. — Я говорил тебе не приносить людей на нашу землю!» И люди увидели злого великана, который был ещё больше великана, принёсшего их в дом. И тут великан поднял деревянную миску, лежащую вверх дном у его ног. Из миски вышло странное четвероногое существо. Рыбаки никогда не видели ничего подобного. Великан указал существу на злого ве-

ликана и командовал: «Взять его!». Маленькое существо зарычало и глубоко вдохнуло. Каждый вдох делал его все больше, пока оно не стало огромным. Собака, а это была она, зарычала и оскалилась. Злой великан выбежал из дома, а собака погналась за ним.

Великан и рыбаки слышали стоны и рычание жестокой борьбы. Затем наступила тишина. Наконец, собака вернулась в дом, все ещё тяжело дыша. Раньше собака увеличивалась, вдыхая, теперь она уменьшалась, выдыхая. Вскоре она стала размером с обычную собаку. Рыбаки были поражены. А великан сказал: «Мои братья, не беспокойтесь. Злой великан больше не тронет вас. Вы можете отправиться домой. Моя собака пойдёт с вами и будет всегда защищать вас». И он сказал собаке: «Иди с этими людьми. Приведи их домой. Охраняй их». Так и повелась с тех пор дружба между собаками и людьми.

Я спросил старика Оогона, где же теперь те великаны. Он вывел меня из дома и указал на две каменные вершины в той стороне, откуда мы пришли в эту часть острова. Одна из них выше, другая ниже. «Вот два великана», — сказал Оогон.

В другой раз, угощая меня мёдом, Оогон рассказал легенду о пчёлах.

Как пчёлы получили свои жала

Были времена, когда у пчёл не было жал. Они были маленькими и не могли защитить себя, и потому все животные воровали у них мёд. Птицы высасывали мёд из гнёзд. Белки и бурундуки находили мёд и тоже ели его. А пчёлы много трудились и кругом высматривали цветы, чтобы сделать побольше мёда.

Однажды пришла ранняя осень. Пчёлы не запасли достаточно мёда, чтобы его хватило на долгую холодную зиму, и потому многие из них умерли.

Наконец, пришла весна, пчёлы решили отправиться к Старшему Праотцу. Они принесли ему мёд в подарок в надежде, что он поможет им спастись от других животных и птиц. Выслушав пчёл, он сказал, что, так как они много трудятся и не ленятся, он даст им одну вещь, чтобы защищать себя от животных и птиц.

Каждая пчела получила жало. Они вернулись домой и были счастливы.

Вскоре животные перестали воровать у них мёд. И только люди, обладающие особыми знаниями, могут брать у пчёл мёд.

Однажды я был в гостях у Верховного вождя Иыгыльнака и увидел большой каменный круг, лежавший близ очага. Круг был разделён на двенадцать частей; я предположил, что это — индейский календарь, и не ошибся. Сам Иыгыльнак рассказал мне о календаре.

Двенадцать месяцев года людей Морского Бобра

Первый месяц индейского года соответствует октябрю. Это время окончания охоты на морского бобра и начала охоты на лосей, поэтому в этой части камня выбит лось. И месяц называется лосиным. В этом же месяце женщины делают основные запасы на зиму лекарственных трав и ягод.

Второй месяц (соответствует ноябрю) — это первый месяц здешней зимы. Тоже месяц охоты. Женщины ещё собирают определённые травы и семена в тёплые дни. В это же время особенно много ловят речной рыбы. И, кажется, называется этот месяц именем щуки.

Третий месяц в году (декабрь). Месяц штормов и ураганов. Называют его месяцем большого ветра. В это время дубят шкуры, шьют одежду.

Четвертый месяц (январь). Месяц снега. Хотя снег и не каждый год выпадает на острове. Это время индейских свадеб. А также время особенно активной охоты на белок. Именно белка и выбита на камне-календаре в этом месте.

Пятый месяц (февраль) называется «месяц переменчивых ветров». В этом же месяце пробуждаются некоторые растения и животные.

Шестой месяц (март) — месяц окончательного пробуждения природы и подготовки к выходу морских охотников в море. На деревьях появляются первые листья. Случаются первые грозы.

Седьмой месяц (апрель). В этом месяце индейцы выходят на морской промысел. Естественно, что этот месяц носит имя морского бобра.

Май — восьмой месяц. Продолжается охота на морского бобра, начинается лов морской рыбы. В этом же месяце засаживаются огороды. Название месяца, кажется, — по названию какой-то местной целебной травы.

Девятый месяц (июнь). Месяц, когда женщины собирают первые съедобные семена, а также появляются первые грибы — не главный, но немаловажный продукт питания.

Десятый месяц (июль). Время, когда лоси приносят потомство.

Одиннадцатый месяц (август) — наступление осени. Выкачивание мёда. Начало сбора урожая на огородах. Называется — медовый месяц.

Последний месяц года и лета — сентябрь. Время подведения итогов, сбора урожая, завершения морской охоты.

Иван Андреевич Рукавишников, мечтая о возвращении в Россию, думал и о том, как обработает он собранные индейские сказки, легенды и обычаи и издаст в Петербурге...

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ
Последняя охота

Егор Головин оказался настоящим печником, он-то и предложил в «русском доме» печь сбить. «А то, как дикари, сидим вокруг костра, дым глотаем». Да и не «по-чёрному» — с дымоходом сделали. Помогали ему Алёшка Губанов да Митька Бугаев, а с ними увязались и дружки их из молодых индейцев.

Сперва не могли понять, что это «русти» делают, когда же поняли (а приходил смотреть на печь даже Верховный вождь Иыгыльнак), просили уже специально обучить их печному делу.

А Егор Головин с помощниками уже и баньку срубили, и там каменку сложили. Но так как Головин париться любил «по-чёрному», то и не узнали индейцы, что может ещё быть баня и «по-белому».

Впрочем, подобие бани у людей племени Морского Бобра было: яма, в одном углу которой был очаг из камней; сверху яма накрывалась еловым лапником и шкурами. Так же, как и в русской бане, на раскалённые камни лилась вода — парилка что надо.

Головин и удивлялся: «Парилка, считай, как у нас; дома строить умеют; а что баню можно в срубе, а не в яме сделать, не додумались!»

На что Алёшка Губанов ему возражал: «Это где как принято. Вон, у нас и до сих пор в некоторых деревнях в печах и парятся, и моются. А в соседней деревне бани ставят. Так как вот?..»

— Это где, у нас-то? — Егор удивляется.

— Да в Вологодском уезде...

— Вот и видно, что вы, вологодские, — не русские!

— Сам ты — не русский!

Незлобно поругиваясь, ставили уже вторую баню: сам Иыгыльнак захотел русскую баню иметь.

Боцман Савелий Пирогов с Семёном Капустиным занимались подготовкой шлюпки и прочего морского снаряжения: хоть и не скоро ещё плавание, а готовиться загодя надо.

Отец Власий в одиночку сруб часовенки сложил, а крест ему уже преданные друзья из индейцев помогли поставить. Он особо к местным со своей верой и не подступал поначалу. Сами приходили к нему, спрашивали, кто он такой, отец Власий, и что это за «русский Бог», которому он служит. Шаман даже приходил, слушал молча и уходил, сильно задумавшись. Другие же индейцы — боль-

ше старухи и дети, а иногда и охотники, вернувшиеся из леса, — каждый вечер собирались под навесом рядом с часовней вокруг костра или же в большом «общем доме» — там в непогоду и зимой совершались общедеревенские собрания и моления... Слушали отца Власия внимательно, а он, хоть не особый говорун, но миссию свою осознавал: как мог основы христианства излагал.

Вспомнил, как апостол Павел язычникам-грекам указал на их же памятник «неведомому Богу» и к вере в Бога истинного привел. С того и отец Власий начал, предварительно кое-что о верованиях индейцев поразузнав.

— Верховный Праотец ваш — не есть ли Бог Отец? Истинно говорю вам — так и есть... Ибо един Бог, но един в Троице...

С переводом помогали ему то Яшка-алеут, то Алёшка Губанов, очень быстро местный язык схватывавший, да и сами тлинкиты уже начинали русскую речь понимать. Однако же отец Власий сомневался: понимают ли суть того, что он говорит? Но и верил, что слово правды будет понято, потому что сам понимал: правда — она на всех одна.

Все моряки утром и вечером обязательно собирались на молитву в часовне. Индейцы приходили глядеть, благоговейно слушали, а когда священник возвышал свой бас, некоторые и на колени опускались...

Зима, как понимали это время года русские, всё не наступала. Дожди сменялись липким снегом, но за снегопадом вновь налетал ураган с дождём, смывал снег, срывал последнюю жухлую листву... Тоскливое время.

Но тосковать некогда было: ни русским, ни людям Морского Бобра.

С окончанием сезона морской охоты начинался сезон охоты на острове. Охотились индейцы, в основном, на лосей, которые водились на острове в изобилии. Кроме того, и на медведей охотились, хотя их на острове было мало. Ради меха добывали лис, белок, куниц. Соболь на острове не водился.

С местными охотниками (а это были все взрослые мужчины острова) сошелся тесно Иван Ситников. Он и выпрашивал: какой зверь есть на острове, как охотятся. Вечером, сидя у общего костра в «русском доме» (так стали называть дом, в котором поселили моряков,

индейцы, а за ними — и сами путешественники), он рассказывал:

— Вот же — дикие люди, а как всё умно устроено у них: у каждой деревни — свои охотничьи угодья, и в чужие без нужды и без спросу не заходят. Есть ещё заповедные места, где вовсе не охотятся. А это же для зверя — возможность выживать и размножаться, а то бы на острове-то давно бы всего зверя перебили, уйти-то некуда... Потом, у них ведь ещё примерно посчитано, сколько медведей, сколько лосей... Каждую осень собираются на совет, решают: сколько какой деревне лосей взять, сколько — медведей. Мишек не больше одного на деревню убивают по осени... На лосиных тропах самострелы ставят, или загоняют в загоны. Лосей много тут. Волков нет на острове. Из хищных зверей, говорят, — только рысь, и то мало... И их не больше одной в год на деревню ловят. Говорят, что из неё только шаманам одежду делают: священная, мол, тоже...

— А у нас, — встрял Митька Бугаев, тоже из бывших крепостных, — дак, барин когда захотел, тогда и поехал, да ещё толпу таких же созовёт, да собак-то своры... Весна ли, лето ли — всё едино им...

Митьку толкнул в бок Семён Капустин: рядом же дворянин из сельских помещиков сидел, капитан их Рукавишников.

Иван Андреевич заметил смущение Семёна да и некоторых других, кто постарше да поумнее. Сам сказал:

— Это какой-то не очень умный помещик, Митрий. Есть правила и неписанные, и писанные: когда и как охотиться. Есть благородное искусство охоты, которому следуют настоящие охотники. Батюшка у меня охоту любил и свору держал, но не дай бог, если узнавал, что кто-то с собаками в лес сунулся в пору, когда птица на гнезде сидит, или ещё что подобное... Я-то к охоте особо не успел привыкнуть... У крестьян наших, тоже, сколько знаю, были свои правила, как охотиться, как лес заготавливать... Да им не до охоты особо-то...

— Да уж, барщину отработай, да своё сделай, — охотиться некогда... — опять Митька сказал, и опять Капустин его в бок ткнул.

Капитан ничего не сказал на это, кивнул только.

— У поморов, у сибирских, и у нас, американских охотников, тоже свои законы есть. И мы понимаем, когда и сколько можно зверя бить, — сказал Иван Ситников.

— По-ни-ма-ете вы! — неожиданно резко сказал боцман Савелий Пирогов. — Всё, что шевелится, стреляете. Вон, бобра-то морского,

калана-то, скоро уж совсем не останется, подчистую выбьете...

— Есть и такие добытки, — согласился Ситников.

Рукавишников, чтобы спор утишить, рассказал записанную им индейскую легенду о том, что остров их — вовсе не остров, а спящий кит.

Егор Головин, подшивавший у огня чью-то обувь, выслушав легенду, вдруг голос подал:

— А у нас в деревне вот какую сказку сказывали, про кита тоже...

— Ну-ка, давай, расскажи!..

— Слушайте. В старину-старинную дело было. В некотором царстве, в русском государстве, жили люди русские: крестьяне пахали-сеяли, царь правил, бояре царю советы давали, а купцы торговали.

Далеко купцы на кораблях плавали в дальние страны, русский товар увозили, заморский привозили... И вот один год уплыли купцы-то и не ворочаются. Нету и нету их. Уж думали, что безвестно купцы пропали, как приплывает на досточке один купец и рассказывает царю и боярам такую историю. Мол, уснула посреди моря-океяна Рыба-Кит. Такая большая эта Рыба-Кит, что на спине её целое село стоит, да и с церковью, и леса растут, и земельку на спине этого Кита крестьяне пашут...

— Ну, в вашей деревне и врать! — не выдержал тут Митька Бугаев, засмеялся. Но на него сразу боцман прикрикнул:

— Ну-ка притихни, Митька. На то она и сказка. Не любо — не слушай, а врать не мешай.

Митьке то и надо, Алёшке Губанову подмигнул, и за дверь оба из дома...

— Давай, Егор, рассказывай!

Головин, сбитый с толку, засмутился, насутился.

— Ну, не обижайся Егор, доскажи сказку-то...

— Ну, вот, значит... — Егор Головин заговорил торопливо. — Вот, значит, купцы-то и говорят: мол, Кит-Рыба-то как вдохнёт — так полморя в себя и засосёт, а как выдохнет — только воду выпустит, а всё остальное в ей остаётся. Вот и заглотила, значит, все корабли-то купеческие. Смекнули тут царь и бояре, что это великая беда для

царства-государства; что надо рыбу-то разбудить да подальше в океян-море загнать...

...Тем временем два приятеля, Митька с Алёшкой, на поляну в центре деревни бежали. Там в тихую погоду под открытым небом, а в дождь под обширным навесом собиралась молодёжь.

В свете костров пели песни, водили хоровод («ну, точно, как у нас в России», — удивлялись парни), плясали...

Девушки выстраивались в ряд; с песней шли им навстречу, также в ряд выстроившись, парни. Начинали по одному выходить: на пере-пляс вызывать. Потом уж парами, парень с девушкой, расходились.

— У нас так заиньку пляшут, — Алёшка сказал.

— А у нас заигрыш называется, — Митька отвечал.

Взял Алёшка выбравшую его девушку под ручку. Или она его повела...

И откуда тут боцман Савелий Пирогов взялся, из темноты выткался:

— Алёшка, ну-ка, сюда, ко мне!

Девушка, вскрикнув, вырвала руку и убежала, как и не было, а Алёшка Губанов перед грозным боцманом встал.

— Ты что ж делаешь, паразит?..

— А чего?..

— А того, что нечего девок завлекать! Ты, может, на ней и женишься?

— Не знаю... Нет... Да я ж только...

— Только! А ты знаешь, что, по их обычаю, если из деревни с девкой вышел — жениться должен? Быстро в дом!

А в доме уж и Митька понутив голову сидел.

— Ежели всерьёз, так пусть девка веру христианскую принимает, обвенчаем. А баловать нечего, — сурово отец Власий сказал.

С того вечера Алёшка с Митькой на гулянках бывали, но с девушками больше не уединялись.

...Местные охотники быстро поняли преимущество ружейного

боя. Что говорить, когда однажды Иван Ситников с полусотни шагов одним выстрелом уложил огромного лося. Уважать его стали едва ли не так же, как капитана Рукавишникова (отца Власия так даже боялись поначалу, но ребятишки вскоре полюбили его, а за ними — и все остальные индейцы).

И в то утро из деревни уходил вглубь острова отряд охотников. В этом отряде шли зверобой Иван Ситников, сын его Николка и алеут Яшка Петров.

Место, где паслось стадо лосей, давно известно было. По следам убедились, что лоси — здесь, в осиновом примыкающем к сбегаящей с гор речушке мелколесье.

У реки за большим валуном и затаился Иван с ружьём; рядом с ним, со вторым ружьём, — Николка; тут же, за соседними камнями, затаились ещё трое индейцев с луками и короткими копьями и топорами. Остальные индейцы, пять человек, с противоположной стороны леса пошли, громко крича, стуча о стволы деревьев копиями...

Первым к реке вылетел огромный, с разлапистыми рогами, бородастый лось. Три индейских стрелы ударили в него...

Иван пропустил лосиху с лосёнком; те, увидев рухнувшего вожака, метнулись вдоль берега; лосёнок споткнулся, упал, потом поднялся и бросился к матери; и они вместе, раскидывая брызги, бросились в воду, но уже вскоре вышли на противоположный берег... За ними из леса выскочил второй самец, не такой крупный, как первый. Иван Ситников выстрелил, и лось, на мгновение застыв, опустился сперва на подогнувшиеся передние ноги, а потом завалился на бок.

Из леса ещё и ещё выбегали лоси, бросались в реку. Индейцы убили ещё одного и больше уже не стреляли...

— Батя! — крикнул Николка.

Иван обернулся. Из леса, прямо к ним, вперевалку, приближался огромный бурый медведь. Николка выстрелил и промахнулся. Медведь был уже совсем рядом. Он не рычал, двигался бесшумно, мягко... Видимо, его подняли с берлоги. Не успел еще крепко уснуть. Да и место для берлоги не лучшее выбрал. Впрочем, обо всем этом Ивану Ситникову некогда было думать. Смерть была в нескольких шагах от него и его сына. И он сделал шаг ей навстречу. Первым ударом он воткнул нож в шею зверя и, уже сминаемый огромной тяжестью, сумел освободить нож и нанести второй удар.

Третий удар, топором по голове зверя, нанёс выскочивший из леса индеец. Потом уже все подбежали, освободили Ивана из-под туши...

Он не двигался, казался мёртвым. Но когда губы и лицо смочили водой, застонал, приоткрыл глаза. Увидев сына, хотел что-то сказать и не смог. Снова глаза закрыл. Но был жив.

Из двух индейских плащей и вырубленных тут же палок сделали носилки. Трое охотников остались у добычи, остальные понесли Ивана в деревню, сменяя друг друга на носилках. Николка всё время рядом бежал, всё всматривался в лицо отца, всё повторял: «Батя, батя, не умирай, батя...» Да и индейцы твердили: «Рустя Ван, рустя Ван...» и время от времени смачивали водой из фляги лицо и губы Ивана. Тот приоткрывал глаза, но ничего не говорил.

В деревне его сразу отнесли в избушку на краю; русские туда никогда не ходили, но знали, что там живёт старуха-знахарка, лечившая всё племя.

Ивана уложили на шкуры. Старуха, похожая на Бабу Ягу, выгнала из дома всех лишних, при ней остались мальчишка и девчонка, лет по десяти. Что там происходило в избушке, никому знать не положено было...

— Чего там они налечат!.. К нам надо его нести!.. — говорил Савелий.

— Мы тоже ничем помочь не сможем, — ответил Рукавишников.

— Она всё-таки лечит всю жизнь... — уверенности в его голосе не было.

— У нас в деревне знахарка была — любую хворь лечила, даже барин её к себе, если что, पहले доктора звал, — Егор Головин сказал.

Отец Власий отозвал капитана в сторонку:

— Иван Андреевич, ты уж распорядись, коли помирать будет, чтобы меня-то вовремя позвали. — Рукавишников кивнул, объяснил молоденькому индейцу, что обязательно к умирающему нужно священника звать, и отправил в избушку передать это знахарке. Вскоре парень вышел, кивнул капитану.

Николка плакал, сидя на бревне рядом с избушкой знахарки, с ним и Яшка сидел, и молодой индеец Сольок. Простодушный индеец так переживал за Николку, что тоже заревел.

— Ты-то чего? — Николка зло ему сказал.

— Жалько-жалько-жалько, — качая головой, заговорил Сольок так, что Яшка и даже Николка улыбнулись, глядя на него.

Подошёл отец Власий.

— Молись, Николай, — сказал, провёл по голове парня большой доброй ладонью и пошёл в часовню молиться.

В доме Верховного вождя шаман закружил у костра, ударяя в бубен; старейшины ждали, что скажут ему праотцы о судьбе русского...

К исходу второго дня в «русский дом» вбежал молодой индеец, поклонился отцу Власию, жестами позвал за собой.

Все поняли, что происходит.

Священник посуровел, неторопливо взял всё необходимое, поправил крест на груди, первым вышел из дома, за ним потянулись и остальные. Николка, будто бы ставший взрослым за эти сутки, не всхлипывал, но видно было, с какой силой сжаты челюсти под негустой первой бородкой, как желваки на скулах закаменели.

У входа в избушку знахарки отец Власий остановил всех.

— Позову, — только сказал и шагнул за порог.

...«Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав», — пропевал священник слова молитвы над новопреставленным. И сладко-горький запах ладана смешивался с запахом океанского солёного ветра. И горечь утраты странным образом подпитывала веру в жизнь вечную.

Похоронили Ивана Ситникова на берегу океана, — там, где впадает в него река, на высоком мысу. Гроб на руках несли от деревни по очереди, русские и люди Морского Бобра. Опустили в землю. Выложили холмик из камней. Крест поставили...

— Путь предстоит нам трудный и опасный, и должен, други мои, тот, кто дойдёт до русской земли, рассказать о пережитом, — говорил над могилой капитан «Надежды» Иван Андреевич Рукавишников.

Ещё три долгих месяца жили русские моряки на затерянном в океане индейском кит-острове.

Егор Головин и Семён Капустин сладили соху и борону. Семена, что в Форт Росс везли, моряки бережно хранили, часть их и решили употребить на сев.

— По погоде, думается, ячмень да овёс должны бы урожай дать хороший, — рассуждали мужики.

— А на ком пахать-то будут? — резонный вопрос Алёшка Губанов задал.

— Тебя бы да Митьку, жеребцов двух, ставить, — недовольно Семён Капустин ответил.

— На себе таскать придётся, — Егор Головин вздохнул. — Ну, ничего, земелька тут хорошая...

— А, может, и вернёмся: не мы — так другие русские. Лошадей бы завести здесь, коровушек... Сенокосы-то здесь славные...

И все родные русские сенокосы вспомнили...

А пахать и сеять уже некогда было; только объяснили друзьям-индейцам, что и как делать, какую пользу от этого люди племени Морского Бобра иметь будут.

Кончились штормы, настало время морским охотникам на извечный промысел морского бобра-калана выходить, а русским морякам — в опасный и долгожданный путь отправляться, в конце которого, верили моряки, ждёт их родина, Россия.

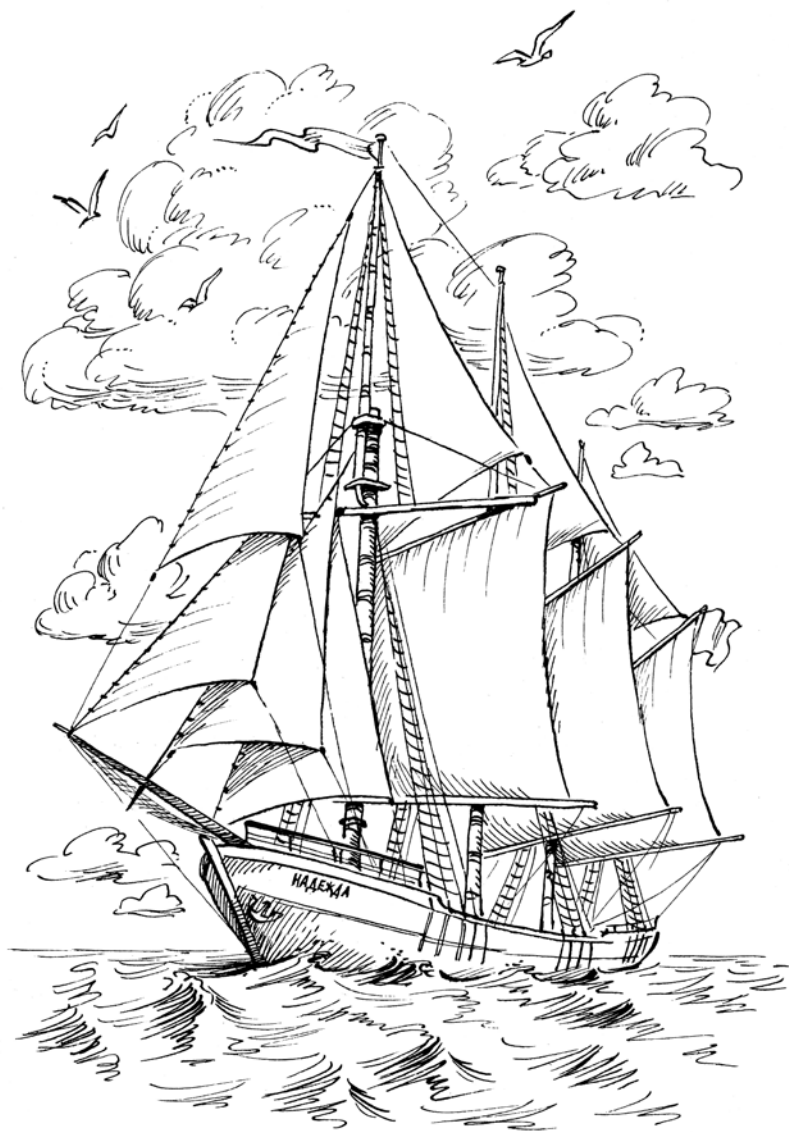
Отслужил отец Власий последний на берегу кит-острова молебен. Около полусотни крещённых им индейцев вместе с русскими повторяли слова молитвы.

— Бог даст, ещё свидимся, — говорил священник индейцам. А те, даже и некрещёные, старались напоследок коснуться его рукой.

А потом спустили шлюпку на воду, ударили в вёсла, а отойдя от острова, подняли и парус. Отец Власий стоял на корме и крестным знаменем осенял удалявшийся берег и стоявших на нём людей племени Морского Бобра.

И чем дальше отходили от острова, тем более напоминал он огромного спящего кита.

ЭПИЛОГ

Когда бывший матрос дед Алексей рассказывал вечерами в родной деревне Тимофеевке собравшимся в его избе парням и мальчишкам о том, как был он моряком, как потерпела крушение шхуна «Надежда», как жил со своими товарищами на далёком-далёком острове, как поплыли оттуда к материку, как добирались ещё целый месяц до русской фактории, — ему не верили.

Вспоминал дед Алексей дружка своего, Митьку Бугаева, сгоревшего в лихорадке уже по пути в Россию. Да и всех других помнил.

Отец Власий остался служить на Алеутских островах. Там же остались Яшка и Николка. Боцман Савелий Пирогов продолжил службу на судах Российско-Американской торговой компании. Иван Андреевич Рукавишников с женой и дочерью вернулся в Россию. Подал в отставку, занялся имением, барщину для крестьян заменил оброком.

Семён Капустин и Егор Головин вернулись в Россию вместе с капитаном Рукавишниковым. Как уж дальше жизнь сложилась у них, Бог знает...

...Спустя лет сорок после отбытия русских на остров высадились американские китобои, вступили в контакт с местными жителями, которые сначала приняли их за «рустя», память о которых жила среди народа Морского Бобра. Вскоре завязались торговые и прочие отношения, были найдены безопасные для судов подходы к острову. Зачастили туда торговцы, охотники, появилась на острове «огненная вода», в избытке — огнестрельное оружие и прочие «прелести» цивилизации. И вновь, как уже было когда-то, один сказал: «Это — моё», а другой сказал: «Это — моё». И счастье на острове стало мериться количеством шкур, денег, пороха... Не стало в водах вокруг острова морских бобров, не стало и прежних людей Морского Бобра. Осталось «местное население», попавшее в полную зависимость от своих «белых братьев». Но жила память о «добрых рустя», подаривших индейцам семена ячменя и овса, научивших их строить «русские» бани... Научивших их «русской вере».

Может, и по сей день стоят на кит-острове два креста: на месте, где впервые высадились моряки на «русский берег», и над могилой Ивана Ситникова. Может, сохранилась ещё и часовня. Как знать? Берегли их люди Морского Бобра.

**Послесловие секретаря Московского епархиального
управления Русской Православной Церкви,
благочинного Видновского церковного округа
протоиерея Михаила Егорова**

В 2012 году на Видновской земле было положено начало интересному и, как впоследствии оказалось, очень нужному делу — Ежегодному православному районному литературному конкурсу «Благословение» на приз альманаха «Письмо к твоей душе». За короткое время конкурс из районного стал международным.

Сердечно благодарю Управление образования и Управление по делам молодежи, культуре и спорту администрации Ленинского муниципального района, а также Ленинское отделение Московской областной организации Союза писателей России за поддержку этого благого начинания у его истоков.

Приобщение авторов-участников к возрождению духовно-нравственных традиций отечественной литературы, привлечение общественного внимания к альманаху «Письмо к твоей душе» и издание авторских книг победителей — вот основные цели конкурса.

Вы держите в руках сборник одного из победителей. Он наполнен особым, глубоким, трогательным переживанием окружающего мира, талантливо выраженным словами. И мне хочется отметить важность такого творчества, необходимость поддержки авторов, способных увидеть добро и рассказать о нём всем для того, чтобы через чтение хорошей литературы мы могли задуматься о Вечных Истинах. А через это возбудить себя на творение и созидание добра и красоты в окружающем нас мире!

Молитвенно желаю организаторам и участникам конкурса, всем авторам и читателям помощи и благословения Божия, чистого ума и сердца, стремящегося к Богу и жизни по Его заповедям!

протоиерей Михаил Егоров

**Послесловие секретаря Союза журналистов России,
председателя Союза журналистов Подмосковья
Натальи Александровны Чернышовой**

Среди множества конкурсов, ежегодно проводимых в стране, православный конкурс литературного творчества с символическим названием «Благословение» занимает особое место. Он позволяет выявить талантливых людей, способных хорошим русским языком рассказать о добром и светлом, достойном и красивом — о том, что наполняет нашу жизнь смыслом.

Значимость этого конкурса не только в том, что авторы лучших работ получают возможность — для многих из них исключительную — издать свои работы, но и в том, что авторы включаются в процесс литературного творчества, в общее дело возрождения духовно-нравственных ценностей, сохранения лучших традиций отечественной культуры.

Конкурс, учрежденный Видновским благочинием как районный, за короткий срок вышел за пределы региона и стал международным. Это свидетельствует о том, что талантливых, любящих русскую литературу, способных к творчеству людей много.

Чтобы их голос был услышан, необходимы поддержка и усилия всех заинтересованных сторон: организаторов, экспертов, литературного и журналистского сообществ. Конкурс «Благословение» с успехом выполняет эту полезную работу.

**Послесловие члена редакционного совета
«Московских епархиальных ведомостей»,
члена епархиального отдела по взаимодействию
со средствами массовой информации, главного редактора
православного альманаха Видновского благочиния
«Письмо к твоей душе», председателя жюри Ежегодного
православного международного литературного конкурса
«Благословение»
иеромонаха Софрония (Горохольского)**

Можно задать вопрос: «Зачем церковь издает светскую литературу и устраивает такие конкурсы?». Ответ на него очень прост. Церковь использует любую добрую возможность для развития и просвещения людей лучами Божественного дара — таланта.

Очень важно помочь ему не только возрасти, но и окрепнуть, мужать: от маленького росточка неясных ощущений и примитивного миропонимания до богатства собственного опыта, великих мысленных прозрений, духовной чистоты и самое главное — поиска непреложной Истины. Только тогда этот талант превратится в настоящий бриллиант, а в нашем случае, бриллиант литературы. И никогда не оскудеет его источник, потому что будет чист.

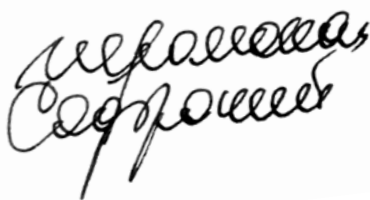
Также актуальной для церкви является задача содействия в возрождении культуры русского языка, особенно среди детей и молодежи. Человек должен уметь излагать свои мысли по-человечески. К сожалению, немногие сейчас задумываются о том, что слово — это оружие обоюдоострое, способное убивать или воскрешать, и используют его без всякого рассуждения.

Ничто и никогда не сможет заменить книгу, которая, кроме содержания, имеет еще разные формы восприятия. Осознание фактуры листа; запах полиграфической краски, библиотечной пыли или старого дома; кляксы, царапины, замятые углы и загибы; осознание того, что именно эту книгу, так же, как ты сейчас, когда-то давно держали в руках твои предки или близкие тебе люди, — все это, если хотите, способ личного самосознания, удобная достижимость ощущения связи времен, воспоминаний, жизненных судеб. А как не хватает всего этого нашему современному и одинокому человечеству!

За конкурсный год мы издаем четыре книги. Три — победителям конкурса по возрастным категориям (14-20 лет, 21-35 лет, от 36 и старше) по 1000 экземпляров каждому. В связи с тем, что количество участников конкурса исчисляется сотнями человек, было принято решение о выявлении победителей второго (фавориты рейтинга жюри — 15 человек) и третьего (лидеры рейтинга жюри — 35 человек) уровней. Эти пятьдесят авторов получают в подарок сборник, в который войдут их лучшие, по мнению жюри, произведения или их отрывки, а также дипломы с присвоением соответствующих званий.

Если кто-нибудь из вас когда-либо принимал участие в конкурсах, пытался заниматься творчеством, то знает, насколько это нелёгкий процесс. Он сопряжён с огромным трудом многих людей, букетом дарований, фонтаном идей, авторских вдохновений, опытом профессионалов, спорами, эмоциями, работой над ошибками и колоссальными нагрузками.

Именно так рождается в мир каждая наша книга, и если она тронула вашу душу, разогрела сердце и вдохновила на что-то светлое, значит, всё это было не напрасно.

Ирина
Седрошчева

**Послесловие старшего научного сотрудника Отдела
новейшей русской литературы и литературы русского
зарубежья Института мировой литературы имени
А.М. Горького Российской академии наук, члена Ученого
совета и главного специалиста по издательским проектам
Государственного музея В.В. Маяковского
Алексея Павловича Зименкова**

«Божественная цель слова в писателях... — наставление и спасение человекoв», — так определял главную миссию литературы свидетель Игнатий Брянчанинов.

В течение более тысячи лет православная духовность задавала систему моральных и эстетических координат русской словесности. Этому благотворному влиянию мы не должны позволить прерваться.

Русская Православная Церковь совместно с писателями, разделяющими христианские ценности, многое делает для этого.

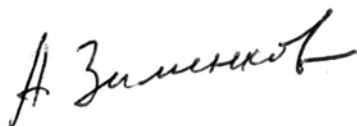
В проводимом Видновским благочинием конкурсе я вижу один из видов знаковой миссионерской работы, направленной на решение указанной краеугольной задачи, работы, которая будет способствовать укреплению отношений между церковными организациями и литературным сообществом, поможет расширить круг пишущих людей, открытых благотворному влиянию христианской духовности, которой так не хватает в современной литературе.

«Благословение» уже приносит свои добрые плоды. Его учредителей поддержал целый ряд известных лиц и авторитетных организаций, среди которых Миссионерский отдел Московской епархии, Международное сообщество писательских союзов, Союза писателей России, Московская городская и областная организации Союза писателей России, Союз журналистов России, Союз журналистов Подмоскoвья, Московская областная государственная детская библиотека и другие. Благодаря этому за короткий срок многократно расширились географические рамки «Благословения» и возросло количество участников конкурса. В 2014 году в Оргкомитет пришли рукописи 237-ми поэтов и прозаиков из 70 регионов России, а также 56-ти русскоязычных авторов из Беларуси, Украины, Казахстана, Эстонии, Молдовы, Армении, США, Израиля, Латвии, Канады, Финляндии, Эстонии, Греции, Японии, Китая.

Во всей нашей большой стране вряд ли найдётся ещё один литературный конкурс, в котором его устроители берут на себя издание книг победителей, а также все расходы, связанные с редактированием рукописей, вёрсткой, художественным оформлением и печатанием книг в типографии. А после выхода книги предоставляют авторам право распоряжаться всем тиражом.

Не исключено, что со временем некоторые из конкурсантов станут играть заметную роль в литературной жизни — региональной и даже российской. От всей души хочется пожелать им это.

Надеюсь, что движение мысли и сердца, вызванное «Благословением», будет содействовать возвышению человеческих душ, без чего жизнь каждого из нас в отдельности и всех, взятых вместе, не сможет измениться к лучшему.

Handwritten signature in black ink, reading "А. Зимин". The signature is written in a cursive style with a long horizontal stroke at the end.

**ПОЛОЖЕНИЕ О ЕЖЕГОДНОМ
ПРАВОСЛАВНОМ МЕЖДУНАРОДНОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ
«БЛАГОСЛОВЕНИЕ»
на приз альманаха «Письмо к твоей душе»**

Каждому в жизни хочется всяческих благ. Вот только представление о них бывает разным. Одно несомненно: благо — это добро, польза, когда хорошо да много, ладно и обильно. Это благополучие, блаженство, счастье.

Всё благое в мире рождается словом. И если оно доброе, то рождает много блага, а если нет, то является множителем зла. Хорошие слова утешают человека, поддерживают и окрыляют. Каждый хочет слышать ласковые слова родителей, добродушные шутки друзей, наставления мудрых. Чем больше благих слов будет адресовано человеку, тем счастливее будет его жизнь. Это всё — то самое благо, которого часто мы сами, по нищете своей духовной, лишаем себя, детей, близких.

На эмблеме нашего конкурса изображен муж, который имеет три разновозрастные тени. Рисунок олицетворяет разные этапы земной жизни человека — детство, юность, зрелость, богатство его внутреннего содержания, жизненный опыт и нашу старческую слабость. Некто рукописно заполняет чистую книгу, повествуя о своих мыслях, поступках, перипетиях судьбы. А над ним слово «Благословение» осеняет пространство бытия его счастливой жизни, потому что наполнена она многими добрыми, плодотворными глаголами, обращёнными, в первую очередь, к Самому Высшему Благу — Господу, а также ко всем нам, Его творениям.

Наш конкурс посвящён всем, кто имеет способность и мужество говорить добрые слова несмотря ни на что.

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Ежегодный районный конкурс литературного творчества, учрежденный в 2012 году, переименовывается в Ежегодный православный международный литературный конкурс «Благословение» на приз альманаха «Письмо к твоей душе». Учредителем и издателем конкурса является Видновское благочиние Московской (областной) епархии Русской Православной Церкви.

1.2. Цель конкурса:

— издание качественных книг современных талантливых поэтов и писателей, признанных победителями конкурса, в количестве не менее 1000 экземпляров и безвозмездная их передача авторам в качестве приза.

1.3. Задачи конкурса:

— побуждение писательской братии, всех мастеров слова к возрождению исконных духовно-нравственных традиций национальной литературы и русского языка в современном творчестве;

— выявление талантливых поэтов и писателей, предоставление возможности ознакомления с их творчеством широкому кругу читателей;

— полное и безвозмездное сопровождение всего издательского процесса (редактура, составление сборника, иллюстрации, книжный дизайн, типографские работы).

2. УСЛОВИЯ КОНКУРСА

2.1. Первейшим условием конкурса является наличие у авторов готовых произведений в необходимом количестве для издания полноценной книги (не менее семи авторских листов).

2.2. Отправляемые на конкурс произведения любых жанров должны соответствовать следующим темам (хотя бы одной из них): духовность, нравственность, семейные традиции, воспитание детей, патриотизм, история, любовь, вера, природа и окружающий нас мир, общечеловеческие ценности.

2.3. Тексты авторских произведений представляются вместе с заполненной заявкой (приложение № 1), а также рассказом о себе в произвольной форме в электронном виде только в двух файлах формата Word. Первый файл: на первой странице — заявка, на второй странице — рассказ о себе в произвольной форме. Второй файл должен содержать все представленные автором на конкурс произведения (вместе) любых жанров, стихотворения и прозу. Стихотворения располагаются подряд, друг за другом, а не одно на странице.

2.4. От одного участника принимаются произведения не менее чем на 80 страницах формата А-4 в электронном виде (12 кеглем, шрифт Times New Roman, межстрочный интервал — 1, поля — слева 2 см, справа, сверху, снизу по 1 см). Работы в электронном виде представляются с 1 октября текущего года до 31 марта следующего года по электронной почте: info@uspv.ru

2.5. В конкурсе могут принимать участие авторы в трех возрастных номинациях: 14-20 лет; 21-35 лет; от 36 лет и старше, без ограничений. Приглашаются все русскоязычные авторы, живущие в России и за её пределами:

— профессиональные литераторы, члены Союза писателей и других творческих союзов;

— авторы старше 14 лет, независимо от членства в творческих союзах.

2.6. Заявки на участие в конкурсе должны быть только индивидуальные и могут сопровождаться рекомендациями.

2.7. В связи с тем, что количество участников конкурса исчисляется сотнями человек, принято решение о выявлении победителей второго (фавориты рейтинга жюри — 15 человек) и третьего (лидеры рейтинга жюри — 35 человек) уровней. Эти пятьдесят авторов получают в подарок общий сборник, в который войдут их лучшие, по мнению жюри, произведения или отрывки из них, а также дипломы с присвоением соответствующих званий.

2.8. Конкурсные работы не возвращаются и не рецензируются. Представление авторских работ на конкурс рассматривается организаторами как разрешение на их публикацию.

2.9. Награждение победителей проводится на финальном мероприятии конкурса — литературно-музыкальном концерте, время и место проведения которого сообщаются заранее. Три победителя конкурса обязаны прибыть на награждение в г. Видное за получением нагрудного знака победителя конкурса, диплома и сертификата на издание авторской книги. Если по уважительной причине победители не могут самостоятельно прибыть для награждения, то вместо себя они направляют своего представителя.

2.10. Конкурсные мероприятия проходят по мере подведения итогов конкурса, но не позднее августа. Издание книг осуществляется в течение следующего конкурсного года.

2.11. Конкурсанты должны присылать свои произведения, которые ранее не публиковались в авторской книге или сборниках (публикации в журналах и газетах допускаются).

2.12. Вся информация о конкурсе размещена на сайте WWW.USPV.RU

3. ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ

3.1. Если окажется, что победители конкурса любого уровня дали о себе или своих произведениях неверную информацию, если присланные произведения публиковались ранее в книгах, сборниках (публикации в журналах и газетах допускаются) или являются плагиатом, то организаторы конкурса оставляют за собой право отозвать все вручённые награды и избрать из числа имеющихся конкурсантов другого победителя, о чем сообщают на сайте конкурса.

3.2. Организаторы конкурса обращают внимание победителей конкурса на допустимость бережных редакторских правок, не нарушающих смысл произведений и стиль автора.

3.3. Организаторы конкурса не несут ответственности за неточности или ошибки в анкетных данных конкурсантов.

4. СОСТАВ ЖЮРИ

Владимир Николаевич Крупин — сопредседатель Правления Союза писателей России. Академик, член президиума Академии Российской словесности.

Лев Константинович Котюков — председатель Правления Московской областной организации Союза писателей России. Член Исполкома Между-

народного сообщества писательских союзов. Главный редактор журнала «Поэзия». Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Игорь Евгеньевич Витюк — секретарь Московской областной организации Союза писателей России. Член Правления Московского отделения Российского творческого Союза работников культуры. Редактор Военно-художественной студии писателей Министерства обороны России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Валерий Александрович Иванов (псевдоним Иванов-Таганский) — секретарь Союза писателей России. Секретарь Правления Московский городской организации Союза писателей России. Заместитель руководителя международного отдела Международного сообщества писательских союзов.

Иван Юрьевич Голубничий — секретарь Союза писателей России. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России. Главный редактор журнала «Великоросс» и газеты «Московский литератор». Кандидат филологических наук. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Наталья Васильевна Корниенко — член-корреспондент Российской академии наук. Председатель текстологической комиссии Секции языка и литературы Отделения историко-филологических наук Российской академии наук. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Доктор филологических наук.

Юрий Иванович Смирнов — ведущий научный сотрудник Отдела фольклора Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук. Кандидат филологических наук.

Вера Николаевна Терехина — главный научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук. Доктор филологических наук.

Ольга Павловна Кубышкина — директор Московской областной государственной детской библиотеки. Исполнительный директор Российского книжного союза по Московской области. Член коллегии Министерства культуры Московской области. Кандидат социологических наук. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Валентина Александровна Пимнева — директор Московского литературного музея-центра К.Г. Паустовского. Главный редактор альманаха «Мир Паустовского».

Владимир Павлович Смирнов — заведующий кафедрой новейшей русской литературы Литературного института имени А.М. Горького. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Профессор.

Алексей Павлович Зименков — старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук. Член Ученого совета и главный специалист по издательским проектам Государственного музея В.В. Маяковского. Победитель Национального конкурса «Книга года» в номинации «art-книга» (2010).

Наталья Александровна Чернышова — секретарь Союза журналистов России. Председатель региональной общественной организации «Союз журналистов Подмосковья».

Протоиерей Михаил Егоров — секретарь Московского (областного) епархиального управления Русской Православной Церкви, благочинный Видновского церковного округа. Кандидат богословских наук.

Этери Акакиевна Коберидзе — член Союза журналистов СССР, член Союза журналистов России. Заслуженный работник печати Московской области. Выпускающий редактор православного альманаха Видновского благочиния «Письмо к твоей душе».

Иеромонах Софроний (Горохольский) — председатель жюри Ежегодно-го православного международного литературного конкурса «Благословение» на приз альманаха «Письмо к твоей душе», главный редактор православного альманаха Видновского благочиния «Письмо к твоей душе».

5. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

5.1. Ежегодный православный международный литературный конкурс «Благословение» на приз альманаха «Письмо к твоей душе» проводится по благословию Постоянного члена Священного Синода Русской Православной Церкви, Управляющего Московской епархией митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия.

5.2. Конкурс проводится при поддержке:

- Международного сообщества писательских союзов;
- Союза писателей России;
- Союза журналистов России;
- Московской городской организации Союза писателей России;
- Московской областной организации Союза писателей России;
- Союза журналистов Подмосковья;
- Миссионерского отдела Московской епархии;
- Московской областной государственной детской библиотеки.

Об авторе

Дмитрий Анатольевич Ермаков родился в 1969 г. в Вологде, член Союза писателей России. Рассказы, повести, романы, очерки, статьи Дмитрия Ермакова публиковались в «Литературной газете», в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», «День литературы», в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Москва», «Сибирские огни», «День и Ночь», «Российская Федерация сегодня», «Русский дом», «Алтай», «Север», «Двина», «Подъём», «Дон» и др.

Дмитрий Ермаков — лауреат премии журнала «Наш современник», лауреат Всероссийского конкурса им. В.М. Шукшина «Светлые души», лауреат международной литературной премии «Югра». За цикл рассказов «Кружевные сказки» в 2014 году награжден медалью Союза писателей России «Василий Шукшин». Победитель первого Ежегодного православного международного литературного конкурса «Благословение» (2014 г.).

Живёт в Вологде.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия	10
Приветственное слово Владимира Николаевича Крупина	11
Приветственное слово Всеволода Леонидовича Богданова	12
Приветственное слово Льва Константиновича Котюкова	13
От автора	15
Глава 1. Прощай, «Надежда»!	16
Глава 2. Кто есть кто?	23
Глава 3. Обитаемый полуостров	29
Глава 4. Русский берег	35
Глава 5. Хозяева острова	43
Глава 6. Алёшкин плен	53
Глава 7. Гром небесный	64
Глава 8. Большой совет	72
Глава 9. С миром и дружбой	82
Глава 10. Судовой журнал	88
Глава 11. Последняя охота	101
Эпилог	112
Послесловие протоиерея Михаила Егорова	115
Послесловие Натальи Александровны Чернышовой	116
Послесловие иеромонаха Софрония (Гороховского)	117
Послесловие Алексея Павловича Зименкова	119
Положение о Ежегодном православном международном литературном конкурсе «Благословение» на приз альманаха «Письмо к твоей душе»	121
Об авторе	127

2014-2015